

В.Д. Кузнецов

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТОРГОВЛИ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В АРХАИЧЕСКИЙ ПЕРИОД¹

Греческая торговля архаического периода является темой, многие аспекты которой постоянно вызывают повышенный интерес. Дискуссии по этой проблеме ведутся в историографии в течение многих десятилетий. Мы не будем в данной работе останавливаться на рассмотрении и оценке подходов к решению проблемы античной торговли так называемыми «примитивистами» и «модернистами», тем более что исследования на эту тему периодически появляются². В отсутствие статистических данных практически любая цифра может быть использована для доказательства той или иной точки зрения. Примером (хотя и более поздним по времени) в этом смысле могут служить сведения о торговле хлебом Боспора с Афинами: данные Демосфена о количестве проданного боспорского хлеба производят такое впечатление, что многие исследователи считают возможным говорить о *ежегодных* поставках в Афины огромного количества зерна³, тогда как оратор нигде о таком постоянстве поступления хлеба не пишет⁴.

Для многочисленных греческих полисов на огромной территории вокруг Средиземного и Черного морей обмен разнообразными товарами, в том числе товарами первой необходимости, имел очень большое значение. Однако эта довольно абстрактная констатация должна быть наполнена реальным содержанием, когда речь идет о месте торговли в системе экономических отношений конкретного греческого полиса или региона. Другой важный вопрос, вызывающий большой интерес, – номенклатура товаров, как импортируемых в полис, так и экспортируемых из него, а также их иерархия. Естественно, что в него ввозили прежде всего те товары, которые были важны для нормального функционирования общества и которые отсутствовали в данном регионе. Вывозили же прежде всего те из них, количество которых превышало собственные потребности, а также те, которые относились к разряду редких или просто уникальных. Однако сказанное опять же, с одной стороны, абстрактно, а с другой – отнюдь не включает в себя всю номенклатуру товаров.

Данная статья посвящена рассмотрению преимущественно этих двух проблем – месту внешней торговли в экономике греческих полисов Северного Причерноморья и ее структуре. Автор вполне отчетливо осознает, что предлагаемая им работа не может быть всеобъемлющей и претендовать на исчерпывающий характер выводов.

Архаический период в истории полисов северного Понта охватывает довольно значительное время: примерно от середины VII в. до н.э., когда была основана первая

¹ Статья написана при финансовой поддержке РГНФ по проекту 97-01-00252.

² Cartledge P. «Trade and Politics» Revisited: Archaic Greece // Trade in the Ancient Economy / Ed. P. Garnsey, K. Hopkins, C. Whittaker. L., 1983. P. 12–14; Descat R. La cité grecque et les échanges. Un retour à Hasebroek // Economie antique. Les échanges dans l'Antiquité: le rôle de l'État. Toulouse, 1994. P. 2–15.

³ Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.–Л., 1949. С. 81; Блаватский В.Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953. С. 176; Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора. М., 1975. С. 6 сл.; Шелов-Коведяев Ф.В. История Боспора в VI–IV вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1984 г. М., 1985. С. 141.

⁴ Osborne R. Classical Landscape with Figures. The Ancient Greek City and its Countryside. L., 1987. P. 99.

апойкия в этом регионе античного мира – Березань⁵, до начала V в. до н.э. Он не был однородным. После Березани новые греческие поселения появились здесь не ранее конца VII в. К их числу можно отнести неизвестную по названию апойкию близ современного Таганрога. Не исключено, что этим же временем можно датировать еще не исследованное поселение около Анапы, откуда происходит небольшое количество довольно ранней керамики, в том числе фрагмент килика с изображением птицы⁶. В самой острогой форме можно предполагать существование в VII в. и небольшого количества поселений в районе Ольвии. При раскопках здесь обнаружено некоторое количество ранней посуды⁷. Появление основной массы греческих апойкий приходится на время примерно с конца первой четверти до середины VI в. до н.э., когда были выведены наиболее значительные причерноморские полисы (Пантикапей, Ольвия, Фанагория, Нимфей, Феодосия, Гермонасса, Кепы и др.)⁸.

Несмотря на довольно интенсивные исследования греческих городов Северного Причерноморья последних десятилетий мы не можем говорить о том, что архаический период в их истории изучен в достаточной степени полно. Такое положение дел обязано состоянию источниковедческой базы. С одной стороны, письменные источники крайне скудны и малоинформативны, что, впрочем, является характерным и для многих других регионов ойкумены рассматриваемого времени. С другой стороны, не отличаются особым обилием и археологические источники. Это связано прежде всего с недостаточной изученностью самых ранних слоев греческих городов и поселений. Во многом дело объясняется труднодоступностью этих слоев и их крайне плохой сохранностью.

Однако помимо указанных сложностей имеется еще одно обстоятельство, которое оказывает негативное воздействие на изученность проблем архаического периода. Речь идет о характере имеющихся археологических материалов. Как хорошо известно, эти материалы отражают различные стороны жизни архаического общества в северо-причерноморских полисах далеко не во всем ее многообразии. Более того, можно говорить о том, что археологические источники отражают эту жизнь в значительной степени односторонне. Это во многом связано с тем, что в земле с течением времени сохраняются лишь отдельные категории археологических материалов, по преимуществу керамика. Естественно, что этот факт накладывает очень сильный отпечаток на наши знания, а также на теории и гипотезы о различных аспектах жизни архаического общества, которые базируются прежде всего на данных археологии. Вне всяких сомнений, он должен учитываться при решении разнообразных проблем архаики и корректировать результаты реконструкций. Происходит ли это на самом деле?

В научной литературе проблема торговли в греческих городах Причерноморья в архаический период довольно редко привлекает внимание исследователей. Прежде всего ей уделяется внимание в контексте вопроса о причинах и движущих силах греческой колонизации⁹. Многие исследователи говорили и продолжают говорить о

⁵ Попытки передатировать основание Березанского поселения, отнеся его к концу VII в. до н.э., вряд ли можно считать удачными (Соловьев С.Л. Новые аспекты истории и археологии античной Березани // ПАВ. 1994. Вып. 8. С. 87). Произвольное обращение с данными письменной традиции и археологическими находками не может быть серьезной основой для такого вывода: сообщение Евсевия об основании Борисфена в 647/646 г. не может быть игнорировано и безосновательно трактовано «лишь как указание на постоянные связи Милета с областями Нижнего Побужья и Поднепровья». Интерпретацию же ранней керамики в качестве «остатков угощений или даров» можно считать не более чем умозрительным предположением.

⁶ Харалдина З.Э., Новичихин А.М. Античные коллекции Анапского музея // ВДИ. 1994. № 2. С. 200.

⁷ См., например: Кръжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешко В.М. Сельская округа Ольвии. Киев, 1989. С. 68. Рис. 25, 2, 4, 13. Правда, следует сказать, что размеры черепков и качество их воспроизведения таковы, что говорить определенно о датировках затруднительно.

⁸ См. Кузнецов В.Д. Ранние апойкии Северного Причерноморья // КСИА. 1992. 204. С. 31–37.

⁹ См. Кошеленко Г.А., Кузнецов В.Д. Греческая колонизация Боспора (в связи с некоторыми общими проблемами колонизации) // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992. С. 7–17.

выводе колоний в Северный Понт как об акте метрополии, преследующем цели получения местных товаров и сырья¹⁰. Другими словами, цели эти в конечном итоге были торговыми. При этом рисуется картина интенсивных торговых связей между вновь выведенными апойкиями и метрополией. Основанием для этих выводов служат главным образом археологические материалы, ведущую роль среди которых играет керамика.

Специфическая роль керамики при решении вопросов древней торговли привлекает исследователей уже давно. По причине того, что керамика не разрушается со временем в земле, неизбежно преувеличение ее роли в исторических выводах¹¹. Постоянно раздаются призывы корректировать с учетом этого фактора все выводы экономического порядка, сделанные на основе исследования керамики. Однако в действительности это делается далеко не всегда. Отчетливо это видно, например, в работе И.Б. Брашинского, посвященной взаимоотношениям Афин с Северным Причерноморьем. На основе анализа находок крайне ограниченного количества обломков аттических расписных ваз начального периода существования причерноморских городов автор сделал ряд весьма ответственных выводов о торговых связях Афин с Понтом. При этом логика его рассуждений очень проста: чем меньше найдено фрагментов керамики, тем менее интенсивными были торговые связи. Поэтому малочисленность аттических ваз в первой половине VI в. до н.э. ведет И.Б. Брашинского к заключению о спорадичности и случайности торговых сношений между двумя регионами в это время. При этом попутно делается, например, такой совершенно произвольный вывод: Афины вначале присылали в Понт «дорогие изделия первоклассных мастеров» для того, чтобы завоевать северочерноморский рынок, занятый купцами из Ионии и Коринфа¹². Не менее спорны умозаключения об афинском «обильном импорте», о стремлении Афин в Понт из-за нехватки хлеба и об активной торговле этим хлебом¹³.

В современной литературе исследователи все более дистанцируются от такого, в значительной степени упрощенного подхода к решению проблем архаической торговли. Все более очевидным становится факт, что керамика занимала весьма небольшое место в номенклатуре товаров, перевозившихся в пределах греческой ойкумены¹⁴. Весьма активно отстаивают эту точку зрения два английских исследователя — М. Виккерс и Д. Гилл. Не вдаваясь в детали, отметим некоторые основные положения недавно вышедшей их совместной работы, где суммированы основные аргументы и выводы¹⁵. Они утверждают, что расписная керамика в древности отнюдь не была и не считалась дорогой, а тем более роскошной. Этому не противоречат, в частности,

¹⁰ Шелов-Коведяев. История Боспора... С. 54–55; Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н.э. Историко-эпиграфическое исследование. М., 1989. С. 48–55; он же. Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. Т. I. М., 1983. С. 380–384; он же. Милет и Ольвия. Проблемы взаимоотношений метрополии и колонии на раннем этапе // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1979. С. 48; Копейкина Л.В. Особенности развития Березанского поселения в связи с ходом колонизационного процесса // Там же. С. 108; Марченко К.К. Модель греческой колонизации Нижнего Побужья // ВДИ. 1980. № 1. С. 134, 136.

¹¹ On a observé qu'il était possible d'écrire l'histoire de la céramique, mais non l'histoire par la céramique (Morel J.-P. La céramique comme indice du commerce antique (Réalités et interprétations) // Trade and Famine in Classical Antiquity / Ed. P. Garnsey, C.R. Whitaker. Camb., 1983. P. 73).

¹² Брашинский И.Б. Афины и Северное Причерноморье в VI–II вв. до н.э. М., 1963. С. 22 сл.

¹³ Там же. С. 26, 30.

¹⁴ Gill D.W.J. The Distribution of Greek Vases and Long Distance Trade // Proceedings of the 3rd Symposium on Ancient Greek and Related Pottery. Copenhagen, 1988. P. 175–181; idem. Pots and Trade: Spacefillers or Objects d'Art? // JHS. 1991. 111. P. 29–31; idem. Positivism, Pots and Long-Distance Trade // Classical Greece: Ancient Histories and Modern Archaeologies / Ed. I. Morris. Camb., 1994. P. 99–102; Cartledge. «Trade and Politics»... P. 12–14.

¹⁵ Vickers M., Gill D. Artful Crafts. Ancient Greek Silverware and Pottery. Oxf., 1994. Библиографию их предыдущих работ можно найти на стр. 215, 235–237 этой книги.

сохранившиеся до наших дней граффити о стоимости некоторых ее категорий¹⁶. Самыми дорогими из известных на сегодняшний день являются две краснофигурные гидрии (V в. до н.э.) стоимостью по 3 драхмы каждая. Большинство же прочих сосудов обычно стоили несколько обол. Например, аттический краснофигурный кратер V в. до н.э. стоил 4,5 обол. Небольшие сосуды (типа солонок, оксифафов и т.п.) оценивались еще дешевле (фракциями обол). Поэтому, если бы Афины, которые импортировали в некоторые годы по 190 кораблей с зерном (общей стоимостью 479 талантов из расчета по 5 драм за медимн), расплачивались бы за них расписной керамикой, то им бы понадобилось для этого ее огромное количество. Например, чтобы расплатиться за это зерно краснофигурными кратерами стоимостью 4,5 обол каждый, понадобилось бы 2 589 189 таких ваз, что совершенно нереально¹⁷. Если же сопоставить стоимость перевозки кубического метра столовой посуды и каких-либо других грузов, перевозившихся на торговых судах, то такое сравнение будет опять не в пользу керамики¹⁸.

М. Виккерс и Д. Гилл исходят из простой и практически очевидной посылки: глиняная посуда, которую обычно называют художественной, в принципиальном плане следовала (в отношении формы и росписи) за металлической посудой – золотой, серебряной, бронзовой, от которой получала импульс для своего развития. Они объясняют, каким образом гончары и вазописцы отражали в своих изделиях качественные характеристики различных металлов. По их мнению, черный цвет (в частности так называемый черный лак) имитировал серебро, т.е. чернолаковая керамика имитировала серебряную посуду. Краснофигурная керамика изготавливалась в качестве подражания сосудам из серебра, которые имели накладной орнамент из золота. Соответственно чернофигурная керамика подражала золотой посуде с накладным орнаментом из серебра. Использование пурпурной краски при росписи ваз означало подражание меди, а белой краски – слоновой кости.

Мы не имеем возможности подробно останавливаться на анализе положений гипотезы М. Виккерса и Д. Гилла. Отметим лишь, что их точка зрения на роль и место расписной керамики в жизни греческого общества, в том числе и в торговле, выглядит вполне здоровой. Однако их выводы не оказались убедительными для всех¹⁹. Так, например, один из самых крупных специалистов в области греческого искусства, и в частности вазописи, Дж. Бордмэн является решительным противником точки зрения о расписной керамике как второстепенном, зависимом элементе в искусстве²⁰, о ее небольшой роли в торговле. Он продолжает придерживаться традиционного взгляда на

¹⁶ Сохранившиеся данные о стоимости расписной керамики собраны в следующих работах: *Amix D.A. The Attic Stelai. Pt. III / Hesperia. 1958. 27. P. 277; Webster T.B.L. Potter and Patron in Classical Athens. L., 1972. P. 277; Johnston A.W. Trademarks on Greek Vases. Warminster, 1979. P. 33; idem. Greek Vases in the Marketplace // Looking at Greek Vases / Ed. T. Rasmussen, N. Spivey. Camb., 1991. P. 224–228.*

¹⁷ *Vickers, Gill. Artful Crafts... P. 88 f.*

¹⁸ *Gill. Pots and Trade... P. 35–37.*

¹⁹ См. *Williams D. Refiguring Attic Red-Figure. A Review Article // RA. 1996. P. 227–252.* Один из откликов на книгу Виккерса и Гилла, рецензия К. Ролле, представляется необоснованно резким (*Rolle Cl. Compte rendu: Vickers M., Gill D. Artful Crafts. Ancient Silverware and Pottery. Oxford, 1994 // Topoi. 1995. 5. P. 517–522*). См. также более спокойную рецензию: *Elia R.J. Review: Vickers M., Gill D. Artful Crafts. Ancient Silverware and Pottery. Oxf., 1994 // AJA. 1996. 100. P. 422 f.*

²⁰ Вряд ли следует утрировать идею подражания глиняной посуды металлической и исходить из того, что расписная керамика всегда была слепой копией посуды из металлов (*Williams. Refiguring Attic Red-Figure. P. 240 ff.*). Изготовление металлической посуды, и особенно посуды из драгоценных металлов, требовало от ремесленника большого мастерства и большого количества времени по сравнению с глиняной. Поэтому в целом посуда из металлов была по уровню выше глиняной как в отношении искусства, так и стоимости исходного материала. Однако это не означает, что керамевсам и вазописцам не оставалось ничего другого, как слепо копировать образцы: металлическая посуда давала идею, направление, которым следовала расписная керамика. Но при этом последняя имела возможности для маневра, что обеспечивалось, в первую очередь, уровнем мастерства и таланта ремесленника. Другими словами, вазописец отталкивался от образцов, созданных в металле известными мастерами, но при этом совершенно не обязательно должен был быть слепым копиистом.

нее как на самостоятельную отрасль ремесла-искусства, в которой работали выдающиеся мастера. Расписная керамика, по мнению Дж. Бордмэна, играла большую роль в торговле, являясь важным элементом в номенклатуре перевозимых грузов²¹. Весьма существенным для позиции исследователя выступают два пункта в системе его доказательств. Дж. Бордмэн, вопреки мнению Виккерса и Гилла²², полагает, что расписная керамика была выгодным грузом с точки зрения стоимости кубическо-го метра товара²³. Второе обстоятельство заключается в том, что он считает расписную керамику «отнюдь не дешевой»²⁴ на основании того, что заработная плата квалифицированного ремесленника в V в. до н.э. равнялась небольшой сумме в 1 драхму в день.

Пожалуй, ключевым фактом в решении вопроса о ценности расписной керамики является ее стоимость и соотношение этой стоимости с уровнем жизни в древней Греции²⁵, на чем следует остановиться подробнее. В литературе издавна утвердилась точка зрения, в соответствии с которой при определении уровня жизни в Греции необходимо опираться на цифру в 1 драхму в день в качестве заработной платы квалифицированного ремесленника в Афинах V в. до н.э.²⁶ Считается, что он представляет собой едва ли не самую надежную цифру в этом отношении. Такая точка зрения широко распространена и, насколько мне известно, никогда не подвергалась сомнению. Однако в действительности она является ошибочной. Уверенность в том, что квалифицированный ремесленник получал 1 драхму в день, базируется на неверном анализе отчетов о строительстве Эрехтейона (IG I³ 474–479)²⁷. Мы не имеем возможности подробно излагать здесь результаты исследования греческих строительных отчетов, проведенного в другой работе, а сообщим лишь, что, как показывает анализ документов о строительстве Эрехтейона, одной драхмой в день оплачивалась неквалифицированная работа, которую выполняли рабы и метеки. Квалифицированная же работа стоила много дороже. При этом такая работа исполнялась не поденно, как это было с черновой, а сдельно или по контракту. Анализ надписей из Аттики, Эпидавра, Дельфы, Делоса дает основание утверждать, что зарплата квалифицированного ремесленника заметно превышала 1 драхму в день, равняясь не менее чем нескольким драхмам²⁸. В IV в. до н.э. только поденная оплата неквалифицированного труда рабов достигала 3 драхм (IG II² 1672. 160).

Вывод о довольно высоких доходах ремесленников подтверждается известными аттическими надписями, в которых речь идет о выкупе рабов на свободу (так называемые $\phi\acute{\alpha}\lambda\alpha\iota \ \epsilon\epsilon\lambda\epsilon\upsilon\theta\epsilon\rho\iota\kappa\acute{\alpha}\iota$): эти рабы не только смогли заработать своим трудом деньги

²¹ Boardman J. Silver is White // RA. 1987. P. 279–295; *idem*. Trade in Greek Decorated Pottery // OJA. 1988. 7. P. 27–33; *idem*. The Trade Figures // Ibid. P. 371–378. О важной роли расписной керамики в проникновении греков во вновь колонизуемые земли Дж. Бордмэн пишет в своей новой работе «The Diffusion of Classical Art in Antiquity» (L., 1994. P. 195).

²² Gill D. «Trade in Greek Decorated Pottery»: Some Corrections // OJA. 1988. 7. P. 369–370; *Vickers, Gill. Artful Crafts...* P. 89.

²³ Boardman. Trade in Greek Decorated Pottery. P. 30–33.

²⁴ Ibid. P. 31.

²⁵ Заметим, что все пересчеты стоимости товаров и зарплаты в древней Греции на современные деньги выглядят неубедительными (см. *Vickers, Gill. Artful Crafts...* P. 34 ff.; *Williams. Refiguring Attic Red-Figure*. P. 288 ff.).

²⁶ См., например: *Glantz G. Les salaires à Délos // Journal des Savants*. 1913. P. 207; *Tod M.N. The Economic Background of the Fifth Century // САН*. V. 1927. P. 25; *Guarducci M. Sull'artista nell'antichità classica // Artisti e artigiani in Grecia. Guida storica e critica*. Roma–Bari, 1980. P. 87; *Mossé C. Le travail en Grèce et à Rome*. P., 1980. P. 93; *Burford A. Craftsmen in Greek and Roman Society*. Ithaca – New York, 1972. P. 138; и др.

²⁷ См. *Randall R.H. The Erechtheion Workmen // AJA*. 1953. 57. P. 199–210; *Кузнецов В.Д. Строители Эрехтейона // ВДИ*. 1990. № 4. С. 27–44.

²⁸ В ряде случаев надписи сообщают о суммах в 10 и даже гораздо более драхм в день: *Кузнецов В.Д. Организация общественного строительства в древней Греции: Автореф. дис. д-ра ист. наук*. М., 1996. С. 7 сл., 11 сл., 16, 19, 23. Полный текст диссертации готовится автором к публикации.

для выкупа, но также еще и посвятили серебряные фиалы, стоимостью в 100 драхм каждая, в святилище²⁹.

Могут возразить, однако, что имеются широко известные данные, происходящие из Афин, о плате за участие в работе государственных институтов, о заработной плате моряков и воинов-наемников. На этом вопросе также необходимо хотя бы кратко остановиться. Действительно, в Афинах времен Перикла была введена плата за участие в работе Народного собрания, суда, Совета и т.д. Аристотель сообщает, что за рядовое Народное собрание граждане получали по 1 драхме, за главное – по 1,5 драхмы, за заседание суда – по 3 обола и т.д. (Ath. Pol. 62.2). Обычно считается, что плата за участие в работе демократических институтов была компенсацией за невозможность гражданином в это время зарабатывать деньги на жизнь каким-то своим делом³⁰. Плата афинским морякам и наемникам классического времени обычно равнялась 3 оболам и в нормальных условиях не превышала 1 драхмы в день (Thuc. VIII.29.45)³¹. Нужно признать такую плату весьма невысокой. Соответственно на эти деньги прожить было очень сложно³². Однако мы не можем не согласиться с П. Родсом в оценке причин такого положения дел. По его мнению, скромная плата, например судьям, не могла быть компенсацией за пропущенные рабочие дни. Эти были минимальная сумма, необходимая для проживания³³. Она означала, что в судах заседали по преимуществу состоятельные граждане, а также те из бедных, для которых и 3 обола представляли интерес³⁴. Деньги, получаемые за участие в работе государственных институтов, отнюдь не являлись компенсацией за «прогул» в рабочее время³⁵. Это была скорее демократическая мера, позволявшая бедному гражданину в случае желания или необходимости участвовать в решении интересующих его государственных и частных дел. Другими словами, перечисленные выше суммы денег были минимумом, необходимым для обеспечения участия гражданина в управлении государством. Они не могут в отрыве от других данных использоваться для определения уровня жизни в Греции соответствующего времени. Что же касается наемников, то у нас нет никаких оснований думать, что помимо фиксированного жалованья они не имели других источников доходов, которые предоставляло им их ремесло – война³⁶.

²⁹ IG II² 1553–1558; Lewis D.M. Attic Manumissions // Hesperia. 1959. 28. P. 208 ff.; *idem*. Dedications of Phialai at Athens // Hesperia. 1968. 37. P. 368 ff.

³⁰ Rhodes P.J. A Commentary on the Aristotelian *Athenaion Politeia*. Oxf., 1981. P. 338.

³¹ Pritchett W.K. The Greek State at War. Pt I. Berkeley–Los Angeles–London, 1971. P. 24; Маринович Л.П. Греческое наемничество IV в. до н.э. и кризис полиса. М., 1975. С. 152–157. Для более позднего времени см. Launey M. Recherches sur les armées hellénistiques. T. II. P., 1987. P. 750–763.

³² О ценах на продукты см. Larsen J.A.O. Roman Greece // An Economic Survey of Ancient Rome. V. 4 / Ed. T. Frank. Baltimore, 1938. P. 383 ff. См. Маринович. Греческое наемничество... С. 157 сл.

³³ Для сравнения напомним, что в IV в. до н.э. рабы, принадлежавшие элевсинскому святилищу Деметры и Коры, получали на питание по 3 обола в день и, кроме того, обеспечивались одеждой и обувью (IG II² 1672.4–6, 42–43, 117–118, 141–143).

³⁴ Rhodes. A Commentary... P. 691. Дж. Красильников отмечает по поводу стабильности платы солдатам, участникам союзного договора 420 г. до н.э. (Афины, Аргос, Мантиния и Элея), что эта стабильность никак не соотносится с современным пониманием связи между уровнем цен и размерами зарплаты (Krasilnikov J.A. The Regular Payment of Aegean Mercenaries in the Classical Period // *Classica et Mediaevalia*. 1993. 44. P. 81).

³⁵ Об этом, например, свидетельствуют данные, происходящие из Делоса. Архитектор Фаней, нанятый в 269 г. до н.э. делосским святилищем Аполлона, получал 2 драхмы в день. При этом, его имя стояло в списке нанятых святилищем лиц, среди которых были сторожа, флейтистка, глашатай и т.п. (IG XI 2, 203.60–62). Тот факт, что Фаней в другие годы работал в святилище плотником и столяром (см. IG XI 2, 161A.43,45–49; 162A.48; 165.13–14, 20, 24–25; 199 C. 41–45; 287A.53; Inscriptions de Delos 504B.6–8), часто получая более высокую плату, говорит о том, что он нанялся архитектором не столько из-за стремления заработать деньги, но по каким-то другим, не только экономическим причинам. Этот пример говорит о том, что в государстве имела своего рода тарифная сетка, в соответствии с которой из нанимаемых на ту или иную должность выплачивалась строго фиксированная сумма денег, установленная специальными постановлениями.

³⁶ В отношении наемников Л.П. Маринович верно замечает, что «...одна плата, выдававшаяся к тому

Таким образом, в свете имеющихся данных, прежде всего о заработной плате квалифицированных ремесленников, становится ясным, что мы должны отказаться от взгляда на расписную столовую керамику как на дорогостоящую и роскошную. Наоборот, у нас гораздо больше оснований считать ее вполне дешевой. Данный вывод позволяет еще более уверенно говорить о том, что столовая посуда не могла быть важным пунктом в списке товаров, перевозившихся в бассейне Средиземного и Черного морей. Во многом ее действительно можно считать «заполнителем свободного пространства»³⁷.

Вазы распространялись по миру с различными целями и не только торговыми³⁸. С. Хамфриз справедливо отмечает, что роль керамики в социальной истории Греции остается практически неизученной³⁹. Например, какое количество ваз предназначалось для тех или иных целей (погребальных обрядов, посвящений в храмы, использования в быту и т.д.)? Ответить на этот вопрос весьма трудно, поскольку значительная часть их найдена в культурных слоях вне того контекста, в котором они находились в древности. Всякий раз нужно подходить к решению этой задачи конкретно.

Значительное количество расписной керамики представляло собой votивные приношения в святилища. Это прямо доказываются не только посвятельными надписями на ней, но и косвенными свидетельствами. В связи с этим интересно будет обратиться к раскопкам архаического слоя небольшого боспорского города Кепы, основанного милетянами во второй четверти VI в. до н.э. В течение многих лет Н.И. Соколовским, а затем и автором этих строк проводились раскопки на участке общей площадью более 2000 м² ⁴⁰. Любопытно, что архаическая расписная керамика, общее количество обломков которой исчисляется многими сотнями экземпляров, сосредоточена преимущественно в одном месте. Объяснить это можно тем, что основная часть этой керамики является посвящениями из находившегося поблизости храма, который сначала сгорел в пожаре, фиксируемом повсюду, а затем был снивелирован вместе с синхронным культурным слоем при последующих строительных работах⁴¹. Среди различных категорий керамики значительное место занимают тарелки, украшенные по краю орнаментом в виде меандра, и миски с полосами⁴². Значительный процент их имеет важную деталь – два просверленных еще до обжига отверстия⁴³. Естественно, что

же нерегулярно, не делала профессию наемника особенно прибыльной» (Греческое наемничество... С. 158). Наемники рассчитывали прежде всего на добычу и другие вытекающие из особенностей их профессии источники обогащения (*Launeu. Recherches...* P. 748 et suiv.).

³⁷ *Gill. The Distribution...* P. 175–181; *idem. Pots and Trade...* P. 29 f. Среди затонувших античных кораблей пока не найдено ни одного, чей груз состоял бы только из керамики (*Parker A.J. Shipwrecks and Ancient Trade in the Mediterranean // Archaeological Review from Cambridge. 1984. 3. P. 103; Foxhall L. Cargoes of the Heart's Desire. The Character of Trade in the Archaic Mediterranean World // Archaic Greece: New Approaches and New Evidence / Ed. N. Fisher, H. van Wees. L., 1998. P. 299*).

³⁸ *Kourou N. Handmade Pottery and Trade: the Case of the «Argive Monochrome» Ware // Proceedings of the 3rd Symposium on Ancient Greek and Related Pottery. Copenhagen, 1988. P. 314; Hopkins K. Introduction // Trade in the Ancient Economy / Ed. P. Garnsey, K. Hopkins, C. Whittaker. L., 1983. P. X.*

³⁹ *Humphreys S. Anthropology and the Greeks. L., 1978. P. 120* (статья называется «Archaeology and the Social and Economic History of Classical Greece»).

⁴⁰ *Соколовский Н.И. Раскопки в Кепях в 1959 году // КСИА. 1961. 86. С. 58. Рис. 24, 1–4, 8–11; он же. Новые раскопки в Кепях // Actes de la XIIe conférence internationale d'étude classique «Eirene». Bucaresti–Amsterdam, 1975. Fig. 6–11; он же. Кепы // Античный город. М., 1963. С. 101. Рис. 3 (с неопубликованной керамикой из раскопок Н.И. Соколовского я имел возможность ознакомиться благодаря любезности Н.П. Сорокиной, которой я выражаю свою признательность); *Кузнецов В.Д. Кепы: ионийская керамика // СА. 1991. № 4. С. 36 сл.; он же. Раскопки в Кепях 1984–1989 гг. // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992. С. 28–32.**

⁴¹ *Ср. Виноградов Ю.А. Раскопки городища Мирмекий // Археологические исследования в Крыму, 1993 год. Симферополь, 1994. С. 55 сл.*

⁴² *Кузнецов. Кепы...* С. 43.

⁴³ Этот процент мог быть выше, если учесть, что тарелки и миски дошли до нас во фрагментарном виде, т.е. отверстия могли быть на несохранившихся обломках.

отверстия были необходимы для подвешивания тарелок и мисок на стене. Вполне правомерным будет полагать, что они висели в храме, будучи посвященными боже-ству, что было весьма распространенной практикой⁴⁴. Аналогичное предположение выдвигалось и другими исследователями, сделавшими такие же находки в Истрии (причем в том числе в архаических святилищах), Пантикапее, Березани, Ольвии, Гермонассе, Фанагории⁴⁵. Этот вывод ведет к заключению, что остальные категории расписной керамики также являлись посвящениями в храм. Среди них преобладают килики и чаши с отогнутым венчиком. Как известно, килики были одной из самых массовых категорий votivных приношений в храмы⁴⁶. В подтверждение высказанного предположения следует отметить, что расписная керамика сохранилась в крупных фрагментах. Обломки одних и тех же сосудов были разбросаны на довольно большой площади. Другими словами, значительное количество посуды было выброшено одновременно, что нужно связывать с гибелью храма. Это предположение подтверждается и находками граффити, в том числе посвяительной надписью на донышке килика, которая гласит $\mu\acute{\alpha}\nu \kappa\alpha\tau\acute{\alpha}\xi\alpha\varsigma \delta\upsilon\omicron \tau\eta \phi\rho\omicron\delta\iota\tau\eta$ («разбив один (килик, посвети) Афродите два»)⁴⁷. Таким образом, расписная керамика, найденная в Кехах, представляет собой votivные приношения в храм Афродиты.

В литературе уже отмечался тот факт, что во многих причерноморских городах набор архаической расписной керамики был в значительной степени единообразным⁴⁸. Можно полагать, что дело не только в том (и может быть даже не столько в том), что купцы торговали одними и теми же типами столовой посуды в разных причерноморских городах по пути своего следования. Вполне вероятно, что все плывшие (причем не обязательно только торговцы) в Понт посвящали в честь удачного окончания очередного отрезка каботажного плавания в местные храмы взятую с собой специально в путешествие недорогую ионийскую или аттическую посуду. Не следует забывать при этом, что расписная керамика производилась не во всех городах⁴⁹. Купцы и прочие путешественники могли ее покупать в случае необходимости по пути своего следования. Именно поэтому и можно встретить, например, однотипные тарелки с меандром по краю от Пропонтиды до Северо-Восточного Понта.

Этот вывод подтверждается находками на Эгине. Здесь обнаружены многочислен-ные обломки хиосских кубков с белой облицовкой, на которых до обжига были сделаны надписи краской. Среди этих надписей выделяются дипинти с именами Аристофана и Дамонида, неоднократно посвящавших кубки в храм⁵⁰. Вероятно Аристофан и Дамонид, жители Эгины, были купцами, торговавшими с Навкратисом и Хиосом⁵¹. В пользу последнего предположения говорит многочисленность дипинти с их именами. После окончания торговых операций они возвращались на родину, предварительно заказав в

⁴⁴ См. Сидорова Н.А. Архаическая керамика из Пантикапея // Пантикапей. МИА. 1962. 103. С. 118 сл.

⁴⁵ Alexandrescu P. La céramique d'époque archaïque et classique (VIIe–IVe s.). Histria IV. București, 1978. Pl. 9, cat. 89; pl. 12, cat. 118, 121–123; Lambrino M. Les vases archaïques d'Histria. București, 1938. P. 238 et suiv.; Сидорова. Архаическая керамика из Пантикапея. С. 118. Рис. 6Б, 7, 9; она же. Керамика архаического периода из раскопок Пантикапея 1965–1985 гг. (кроме аттической чернофигурной) // Археология и искусство Боспора. ГМИИ 1992. Вып. 10. С. 133. Рис. 2, д; С. 134. Рис. 3, а, б; Копейкина Л.В. Особенности развития поселения на о. Березань в архаический период (По результатам раскопок на северо-западном участке) // СА. 1981. № 1. С. 196. Рис. 4г.

⁴⁶ Например, на Афинском акрополе среди приношений наиболее распространенной формой чернофигурной керамики были килики (Hannestad L. The Athenian Potter and the Home Market // Proceedings of the 3rd Symposium on Ancient Greek and Related Pottery. Copenhagen, 1988. P. 226).

⁴⁷ Сокольский Н.И. Культ Афродиты в Кехах конца VI–V в. до н.э. // ВДИ. 1973. № 4. С. 88–92.

⁴⁸ Roebuck C. Ionian Trade and Colonization. N.Y., 1959. P. 125; Alexandrescu. La céramique... P. 20–27; Виноградов. Политическая история... С. 57; Кузнецов. Ранние апейкии... С. 31–32.

⁴⁹ См. Snodgrass A. Archaic Greece. The Age of Experiment. Berkeley–Los Angeles, 1980. P. 127.

⁵⁰ Cook R.M., Woodhead A.G. Painted Inscriptions on Chiot Pottery // BSA. 1952. 47. P. 161 f.; Williams D. Aegina, Aphaia Tempel. V. The Pottery from Chios // AA. 1983. Ht 2. P. 173. Fig. 13; P. 175. Fig 14.

⁵¹ Boardman J. Archaic Chian Pottery at Naucratis // Chios. A Conference at the Homereion in Chios 1984. Oxf., 1986. P. 253; Williams. Aegina, Aphaia Tempel... P. 183–186.

гончарной мастерской на Хиосе⁵² кубки со своими именами для посвящения в храм в честь благополучного прибытия. При этом следует отметить существенную деталь – эти кубки были весьма простыми и очень дешевыми. Таким же путем попадали на Эгину и египетские безделушки, обнаруженные при раскопках храма Афайи⁵³.

В качестве другого примера можно привести хийскую расписную керамику архаического времени, которая была обнаружена при раскопках многих поселений Средиземноморья и Причерноморья. Как показывает исследование А. Лемос, в котором собраны сведения об этой керамике, найденной в различных частях греческого мира, в большинстве своем она являлась посвящениями в местные святилища⁵⁴.

Естественно, что не вся расписная керамика предназначалась только для посвящений в храмы. Однако следует иметь в виду, что в повседневном быту, например, она занимала небольшое место. Вместо нее использовали простую глиняную посуду, производившуюся повсюду⁵⁵, а также посуду из дерева, не сохранившуюся в земле, и посуду из металлов, которую обычно со временем переплавляли⁵⁶.

Признавая, что расписная керамика не была предметом роскоши, дорогостоящим товаром⁵⁷, не занимала сколько-нибудь важного места в торговых операциях в архаический период вообще, и в Северном Причерноморье в его связях с Средиземноморьем в частности, нужно согласиться с Э. Снодграссом, когда он предупреждает об осторожности в экономических выводах, которые основаны только на исследовании этой категории археологического материала⁵⁸. Естественно, было бы большой ошибкой полностью отрицать ее значение в торговых операциях. Присутствие столовой посуды свидетельствует о связях между двумя или более регионами античного мира. Однако вопрос в том, что это за связи?

Находки расписной керамики архаического времени в Hinterland'e – в Приднепровье, Побужье и Подонье⁵⁹ дали в свое время основание говорить о доколониационных связях, а также о торговой направленности греческой колонизации Северного Причерноморья и торговли греков с местными племенами с самого начала существования греческих поселений в этом регионе и т.п.⁶⁰ Могут ли эти находки действительно свидетельствовать об обменных операциях между греческими колонистами и местным населением внутренних районов страны в ранний период существования колоний?

Вполне естественным будет полагать, что большинство греческих апоекий (если не все) имели контакты того или иного уровня и характера с окружающими племенами. Немногочисленные находки керамики архаического времени (как амфорной тары, так

⁵² Дж. Бордман считает, что кубки были изготовлены в Навкратисе (Archaic Chian Pottery... P. 252 f.). Ср.: Lemos A.A. Un atelier archaïque chiot en Macedoine orientale // Les ateliers de potiers dans le monde grec aux époques géométrique, archaïque et classique. BCH. Suppl. 23. 1992. P. 157–173.

⁵³ Williams. Aegina, Aphaia Tempel... P. 186.

⁵⁴ Lemos A.A. Archaic Pottery of Chios. The Decorated Style. V. I. Text. Oxf., 1991. P. 194–205.

⁵⁵ Villard F. Introduction. Les céramiques locales: problèmes généraux // Les ateliers de potiers dans le monde grec aux époques géométrique, archaïque et classique. BCH. Suppl. 23. 1992. P. 5.

⁵⁶ Boardman J. The Sixth Century Potters and Painters of Athens and their Public // Looking at Greek Vases. Camb., 1991. P. 80. В религиозных мероприятиях, проводившихся в святилищах, широко использовали бронзовую посуду, о чем свидетельствуют надписи (см. SEG. XXIV. 361, а также инвентарные храмовые списки). См. Schmitt Pantel P. La cité au banquet. Histoire des repas publics dans les cités grecques. P., 1992. P. 306.

⁵⁷ Дж. Бордман пишет в одной из своих статей, что clay vases were cheap... (Silver is White. P. 295).

⁵⁸ Snodgrass. Archaic Greece... P. 128.

⁵⁹ Онайко Н.А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII–V вв. до н.э. САИ. Д1–27. М., 1966. Табл. I–VIII; Книпович Т.Н. К вопросу о торговых сношениях греков с областью р. Танаиса в VII–V вв. до н.э. // Из истории Боспора. ИГАИМК. 1934. 104. С. 90–110.

⁶⁰ Например: Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М. – Л., 1949. С. 11 сл.; Блаватский В.Д. Архаический Боспор // Материалы и исследования по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. МИА. 33. 1954. С. 7; Виноградов. Полис... С. 380–383; Марченко. Модель греческой колонизации... С. 134 сл.; Русаева А.С. Древнейшие контакты эллинов с лесостепными племенами Скифии // Новые страницы древней истории Южной Украины. Тез. междунар. конф. Николаев, 1997. С. 35 сл.

и расписной посуды), обнаруженные в Hinterland'e, иногда на большом удалении от моря, могут свидетельствовать либо о проникновении отдельных греческих торговцев во внутренние регионы⁶¹, либо об участии варваров в торговых операциях. Однако обменные операции могли быть делом лишь частной инициативы и осуществлялись купцом на свой страх и риск. В любом случае, у нас отсутствуют серьезные основания для утверждений, что эти операции носили более или менее масштабный характер⁶². Гораздо вероятнее, что они были весьма ограниченными. К тому же следует отметить, что ранняя керамика могла попасть в Hinterland не только торговым путем. В этой связи интересно отметить небольшую, но весьма важную деталь: некоторые из сосудов, найденных на удаленных от моря территориях, были посвящениями в святилища. Так, ионийская тарелка, обнаруженная в Черкасской области (Украина), имела два отверстия для подвешивания на стене, просверленных до обжига. Еще более показателен пример с позднеархаическим киликом, найденным там же, на котором была прорезана посвятельная надпись Аполлону⁶³. Вряд ли можно себе представить, что греки торговали вотивными приношениями из своих храмов. Более вероятно, что значительная часть столовой посуды попадала в Скифию в результате разграбления греческих городов.

Следы каких-то событий, связанных с насильственными действиями, – не редкость для архаических слоев городов Северного Причерноморья⁶⁴. При раскопках в ряде них зафиксированы следы пожаров, свидетельствующих о каких-то конфликтах. В Кехах, например, следы сильного пожара третьей четверти VI в. до н.э., охватившего довольно большую площадь, обнаружены в ямах, куда был сброшен культурный слой с обгоревшим деревом и сырцовыми кирпичами, золой, прокалившейся дочерна землей. После пожара в городе были произведены большие перепланировочные работы, уничтожившие слой предыдущего времени⁶⁵. Похожая картина в Мирмекии, где также зафиксированы следы сильного пожара, в Фанагории, на Таганрогском поселении и в других городах⁶⁶. Нельзя исключать, что эти пожары могли быть следствием напа-

⁶¹ В связи с этим можно напомнить сообщение Геродота (IV.108) о том, что гелоны в древности были эллинами, переселившимися из морских портов-эмпориев в землю будинов ("Ἕλληνες ἐκ τῶν δὲ ἐμπορίων ἔξαναστάντες").

⁶² Любопытно по этому поводу привести пример с Елизаветовским поселением, которое считается одним из центров греко-варварской торговли классического и раннеэллинистического времени. Подсчеты количества вина, ввозимого на это поселение, сделанные И.Б. Брашинским, рисуют «весьма наглядную картину огромного объема импорта вина в дельту Дона в период расцвета экономической активности Елизаветовского поселения». В год туда поступало более 30 000 л вина (Брашинский И.Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V–III вв. до н.э. Л., 1980. С. 92 сл.; он же. Методы исследования античной торговли (На примере Северного Причерноморья). Л., 1984. С. 156). Однако, по расчетам самого Брашинского (Методы исследования... С. 159), для доставки такого количества вина требовалось всего лишь один-два корабля в год. Вряд ли после этого у нас есть основания для того, чтобы говорить об «огромном импорте вина». Тем более такой вывод будет верен для предполагаемой греко-варварской торговли архаического времени, поскольку количество амфор, найденных на варварской территории, отнюдь не исчисляется сотнями тысяч, как на Елизаветовском поселении.

⁶³ Оцайко. Античный импорт... Табл. VI, 9; VIII.

⁶⁴ Интерпретация обнаруживаемых в раскопе следов пожаров дело крайне деликатное. Естественно, что выводы исторического характера не должны быть поспешными. Пожар в городе можно отнести к одной из трех основных причин – локальный (бытовой) пожар и пожары, связанные с внутренними или внешними конфликтами.

⁶⁵ Кузнецов. Кепы... С. 36 сл. См. также Сокольский. Культ Афродиты в Кехах... С. 88.

⁶⁶ Виноградов Ю.А. Некоторые дискуссионные проблемы греческой колонизации Боспора Киммерийского // ВДИ. 1995. № 3. С. 157; Копылов В.П. Самые ранние образцы древнегреческой керамики из Таганрогского поселения // Древнее Причерноморье. III чтения памяти профессора П.О. Карышковского. Тез. докл. Одесса, 1996. Р. 58. О других фактах см. Толстиков В.П. К проблеме образования Боспорского государства (Опыт реконструкции военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI – первой половине V в. до н.э.) // ВДИ. 1984. № 3. С. 30 сл. О перепланировочных работах на Березани в середине – начале третьей четверти VI в. до н.э., возможно, связанных с какой-то катастрофой, см. Копейкина. Особенности развития поселения на о. Березань... С. 197. Ср.: Solovev S. Archaic Berezan: Historical-Archaeological Essay //

дений на греческие поселения местных племен. Вспомним в связи с этим скудные данные древних авторов на этот счет. Афиной (Deirn. XII.26) сообщает, что милетяне, заселяя Понт, побеждали скифов, а по Страбону (XI.2.5) эллины, поселившиеся на Боспоре, изгнали скифов.

Если расписная керамика не занимала заметного места в торговых операциях Средиземноморья с Понтом, то какими же товарами могли обмениваться эти два региона?

Многие исследователи уверены в том, что одним из важнейших товаров, вывозившихся из Понта, был хлеб. Эта точка зрения широко распространена как в отечественной, так и зарубежной историографии. Например, Э. Вилль считает, что торговля Понта своим зерном началась еще в конце VII в. до н.э., в обмен на него Аттика присылала оливковое масло – единственный товар, которым обладала в избытке⁶⁷. О вывозе хлеба сразу же после основания северопричерноморских апонийских городов Б. Браво и И. Хан⁶⁸. И.Б. Брашинский несколько не сомневался в том, что Афины проводили специальную государственную политику в отношении Понта, целью которой было получить прежде всего хлеб⁶⁹. Ряд других исследователей также придерживается точки зрения о том, что важнейшим северопричерноморским товаром, на который обменивался импорт из метрополии, был хлеб⁷⁰.

На чем же основана уверенность о начале в столь раннее время экспорта зерна из Северного Понта? Логика рассуждений выглядит следующим образом. С самого основания первых колоний греческие переселенцы получали из метрополии значительное количество разнообразных товаров, которые необходимо было оплачивать встречным экспортом. И здесь первое место должно было занимать зерно. Однако в VII в. до н.э. собственное производство хлеба не могло еще быть товарным⁷¹. Поэтому оставался только один путь – получение зерна у местных племен в обмен на греческие товары. В качестве подтверждения таких связей используется греческая керамика, найденная в Hinterland'e, зерновые ямы на поселениях и т.д.⁷²

Начнем с археологических аргументов. Находки обломков керамики в отдаленных районах (Поднепровье, Побужье, Подонье) не могут однозначно использоваться в качестве доказательства торговых связей с местными племенами. Мы только что говорили о малочисленности этой керамики и вероятности ее попадания во внутренние регионы неторговым путем. В любом случае, факт находки посуды – не доказательство торговли зерном. Кроме того, не следует забывать и такой весьма важный, может быть даже решающий момент: подавляющее количество импортной керамики, обнаруженной в Северном Причерноморье, происходит из раскопок самих греческих поселений. Это означает, что она предназначалась для внутреннего потребления греческими переселенцами. Нужно осознать, что предположение о продаже зерна местными племенами греческим купцам является чисто умозрительным и не подтверждается

The Greek Colonisation of the Black Sea Area. Historical Interpretation of Archaeology / Ed. G.R. Tsatskheladze. Stuttgart, 1998. P. 218 f.

⁶⁷ Will E. La Grèce archaïque // Deuxième conférence internationale d'histoire économique. V. Trade and Politics in the Ancient World. P., 1965. P. 57, 69 et suiv.

⁶⁸ Bravo B. Le commerce des céréales chez les Grecs de l'époque archaïque // Trade and Famine in Classical Antiquity / Ed. by P. Garnsey, C.R. Whittaker. Cambr., 1983. P. 19 f.; Hahn I. Foreign Trade and Foreign Policy in Archaic Greece // Ibid. P. 34.

⁶⁹ Брашинский. Афины... С. 263.

⁷⁰ Huxley G.L. The Early Ionians. L., 1966. P. 68; Michell H. The Economics of Ancient Greece. Cambr., 1957. P. 297; Виноградов. Политическая история... С. 56; Марченко. Модель греческой колонизации... С. 134; Ščeglov A. Le commerce du blé dans le Pont septentrional (seconde moitié du VIIème – Vème siècle) // Le Pont-Euxin vu par les Grecs. Sources écrites et archéologie. Besançon, 1990. P. 141–144.

⁷¹ Б. Браво, имеющий смутное представление об археологии Северного Причерноморья, считает, что жители Березани производили зерна больше, чем могли потребить, и начали им торговать еще в VII в. до н.э. (Le commerce des céréales... P. 19 suiv.).

⁷² Виноградов. Политическая история... С. 56; Марченко. Модель греческой колонизации... С. 134. Против: Лапин В.В. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев, 1966.

никакими источниками – ни письменными, на археологическими. Более того, этому противоречит и палеоботанический анализ зерна (плечатые пшеницы), которое выращивалось скифскими племенами лесостепной зоны: его качества таковы, что оно не могло быть предметом экспорта⁷³. Что же касается производства товарного зерна на экспорт самими греками-переселенцами, то здесь следует исходить по меньшей мере из двух предпосылок. Первая касается дат основания колоний. В соответствии с ней во второй половине VII в. до н.э. в Северном Причерноморье существовала только одна апойкия – на о-ве Березань. У нас нет никаких оснований полагать, что небольшое поселение, находившееся на краю ойкумены, производило такое количество товарного зерна, чтобы его было достаточно для организации сложного механизма торговли с метрополией. Для этого была необходима значительная сельскохозяйственная территория и достаточное количество рабочей силы. Ни того, ни другого у Березани не было. Вторая предпосылка относится к формированию хоры полисов. Более или менее широкое освоение греками северного побережья Черного моря началось не ранее второй четверти VI в. до н.э. В этой связи представляется методически правильным подход Т. Нунена, одного из немногих исследователей, выступающих против мнения о раннем начале торговли понтийским зерном: в отсутствие сложившейся хоры греческих городов о такой торговле речи быть не может⁷⁴.

Для архаической эпохи хора греческих полисов Северного Причерноморья изучена неполно и неравномерно. Последнее особенно касается Боспора⁷⁵. Тем не менее известные археологические данные позволяют полагать, что ее становление потребовало определенного промежутка времени⁷⁶. Как считает Т. Нунен, торговля зерном по этой причине могла начаться только в V в. до н.э.⁷⁷ Действительно, трудно представить, чтобы переселенцы быстро освоили окружающие их полисы территории, позволившие им наладить производство не просто хлеба, но товарного зерна в первые же годы их обоснования на новом месте. Это подтверждается и тем фактом, что только начиная с конца VI–начала V в. до н.э. импорт греческих вещей во внутренние районы более или менее заметно увеличивается по сравнению с предыдущим периодом, что фиксируется археологически⁷⁸.

Уверенность специалистов в лидирующем положении зерна в списке товаров, вывозившихся из Понта, во многом объясняется хорошо известными фактами о его значительном экспорте в IV в. до н.э., в первую очередь в Афины, о чем довольно подробно сообщают аттические ораторы (главным образом Демосфен и Лисий) и надписи (Syll.³ 212; IG II² 212, 653)⁷⁹. Так, М. Остин и П. Видаль-Наке считают, что

⁷³ *Sčeglov. Le commerce du blé...* P. 145–155; *Щеглов А.Н.* Источник северочерноморской торговли хлебом в IV в. до н.э. // X Авторско-читательская конференция «Вестника древней истории». М., 1987. С. 175 сл.

⁷⁴ *Noonan Th.S. The Grain Trade of the Northern Black Sea in Antiquity // AJPh.* 1973. 94. P. 231–242. Ср.: *Виноградов. Политическая история...* С. 56. Прим. 112.

⁷⁵ На обеих сторонах Керченского пролива в настоящее время преимущественно по результатам разведок известно не более семи десятков сельских поселений, относящихся к середине VI – рубежу VI–V вв. до н.э. (*Абрамов А.П., Паромов Я.М.* Раннеантичные поселения Таманского полуострова // *Боспорский сборник.* 1993. Вып. 2. С. 71–73; *Кругликова.* Сельское хозяйство Боспора. С. 30–52; *Масленников А.А.* Эллинская хора на краю ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. М., 1998. С. 36 сл.). Нам практически ничего неизвестно о структуре сельского хозяйства этого региона в архаическое время. Поэтому говорить о производстве здесь товарного зерна было бы весьма рискованно. В любом случае такое утверждение потребует вполне определенных доказательств.

⁷⁶ *Зубар В.М.* Виникування военного та релігійного союзу грецьких міст Боспору Киммерійського // *Український історичний журнал.* 1997. 5. С. 42.

⁷⁷ *Noonan. The Grain Trade...* P. 233.

⁷⁸ *Либеров П.Д.* Памятники скифского времени бассейна Северного Донца // *Лесостепные культуры скифского времени.* МИА. 1962. 113. С. 47, 66 сл., 69; *Алихова А.Е.* Древние городища Курского Посеймья // *Там же.* С. 92; *Ильинская В.А., Тереножкин А.И.* Скифия VII–IV вв. до н.э. Киев, 1983. С. 92, 101, 104, 106, 108 сл., 112 сл., 198, 214, 224, 244, 250 сл., 262, 264 сл., 272, 320, 323, 336.

⁷⁹ *Osborne M.J.* Naturalisation in Athens. V. II. Commentaries on the Decrees Granting Citizenship. Brussel, 1982. P. 95, D25.

Афины стали проявлять интерес к импорту продовольствия в течение VI в. до н.э.⁸⁰ Однако П. Гарнси показал, что в архаическое время Афины значительно меньше зависели от импорта зерна, особенно из отдаленных регионов, чем это обычно предполагается. Нехватку зерна они в случае неурожая и каких-либо других экстраординарных событий могли восполнять из находящихся неподалеку областей Греции – Евбеи, Беотии и Фессалии⁸¹. По мнению исследователя, регулярная хлебная торговля Афин с северным побережьем Черного моря в архаический период является плодом воображения⁸². Ситуация стала меняться лишь после Греко-персидских войн, когда Аттика все более попадала в зависимость от импорта хлеба⁸³.

Самым ранним (начало V в. до н.э.) письменным свидетельством о торговле греческих городов метрополии с Понтом являются две фразы Геродота об ионийских кораблях, которые везли какие-то грузы из Причерноморья (Herod. VI. 5; 26)⁸⁴. Однако первое сообщение о торговле понтийским хлебом, также принадлежащее Геродоту, относится к несколько более позднему времени. Историк пишет, что персидский царь Ксеркс видел (480 г. до н.э.) корабли с зерном, плывшие из Понта через Геллеспонт на Эгину и в Пелопоннес: ὁ Ξέρξης εἶδε πλοῖα ἐκ τοῦ Πόντου σιταγωγὰ διεκπλέοντα τὸν Ἑλλήσποντον, ἔς τε Αἴγινα καὶ Πελοπόννησον κομιζόμενα (Herod. VII. 147.2). К сожалению, не уточняется, из какой части Черного моря плыли эти корабли. Одни специалисты поэтому очень осторожно относятся к данному свидетельству⁸⁵, другие же полагают, что речь идет о северном побережье Понта⁸⁶. Какая точка зрения предпочтительнее?

Для ответа на этот вопрос необходимо вспомнить те регионы древнего мира, которые были важнейшими источниками зерна. Это Египет, Сицилия, Боспор и Киренаика. Именно к ним относится большинство данных литературной традиции и эпиграфики классического и эллинистического периодов о торговле зерном. Эти четыре региона объединяет один весьма существенный для решения нашей задачи момент, а именно: автократическая форма правления. Мы не будем здесь вдаваться в подробности политического устройства этих государств, говорить о различиях в их политических системах. Нас интересует авторитарный характер власти в них. Именно это обстоятельство является (при учете ряда других важных моментов) решающим для сосредоточения в одних руках больших материальных ценностей, в том числе и такого товара, как зерно. Симптоматично то, что в афинских декретах IV в. до н.э. в честь боспорских правителей говорится, что именно они дарили зерно или предоставляли льготы по его вывозу⁸⁷. Наиболее ясно эта мысль звучит у Демосфена, который подчерки-

⁸⁰ Austin M., Vidal-Naquet P. Economies et sociétés en Grèce ancienne (Périodes archaïque et classique). P., 1972. P. 88.

⁸¹ Об источниках хлеба в Греции см. Gernet L. L'approvisionnement d'Athènes en blé au Vème et IVème siècles. P., 1909. P. 307; Hopper R.J. Trade and Industry in Classical Greece. L., 1979. P. 71; Osborne. Classical Landscape with Figures... P. 101.

⁸² Garnsey P. Famine and Food Supply in the Graeco-Roman World. Responses to Risk and Crisis. Cambr., 1988. P. 105–113. Ср.: Tsitsikhladze G.R. Trade on the Black Sea in the Archaic and Classical Periods: Some Observations // Trade, Traders and the Ancient City / Ed. H. Parkins, Ch. Smith. L. – N.Y., 1998. P. 55 f.

⁸³ Arafat K., Morgan C. Athens, Etruria and the Heuneburg: Mutual Misconceptions in the Study of Greek-Barbarian Relations // Classical Greece: Ancient Histories and Modern Archaeologies / Ed. I. Morris. Cambr., 1994. P. 129. Л. Фоксхолл отмечает весьма важный момент, касающийся импорта зерна в Афины. – ввозили не ячмень, господствовавший в материковой Греции, а высококачественную пшеницу, которая рассматривалась в качестве деликатеса (Cargoes of the Heart's Desire... P. 302 f.). Иначе говоря, речь идет не о нехватке хлеба вообще, а о стремлении наполнить емкий аттический рынок разнообразными товарами, которыми он и славился.

⁸⁴ τὰς ἐκ τοῦ Πόντου ἐκπλεούσας τῶν νεῶν ... (Herod. VI. 5) ... τὰς Ἴωνων ὀγκάδας ἐκπλεούσας ἐκ τοῦ Πόντου... (VI. 25).

⁸⁵ Noonan. The Grain Trade... P. 233.

⁸⁶ Брагинский. Афины... С. 34.

⁸⁷ ... τῆς ἐκπομπῆς τοῦ σίτου ... (Tod M.N. Greek Historical Inscriptions. V. II. Oxf., 1947. № 167.15); Σπάρτοκος... καὶ δέδωκεν σίτου δωρεάν... (Syll.³ 370.24).

ваест, что Афины получают хлеб из Боспора не только из-за его обилия здесь, но и потому, что Левкон, являющийся хозяином этого хлеба (διὰ τὸ κύριον ὄντα τὸν Λεύκων' αὐτοῦ), предоставляет ателию купцам, везущим его в Афины (Dem. XX.31).

В связи с этим отметим, что, возможно, не случайно и хронологическое совпадение сообщения Геродота о судах, везущих зерно из Понта, и сведений об Археанактидах на Боспоре, которые передает Диодор (XX.31.1)⁸⁸. Нам практически ничего неизвестно о характере власти Археанактидов. Но само имя их рода и время, в котором они жили (поздняя архаика – ранняя классика), дают основания для предположения об авторитарном характере их правления. Специфика политической власти на Боспоре в это время⁸⁹ (например тирания) могла оказать влияние на экономические отношения. Не исключено, что Археанактиды могли получать в свое распоряжение определенное количество зерна, выращиваемого на подвластной им территории, которым они могли распоряжаться по собственному усмотрению. Естественно, что это всего лишь предположение, хотя, как кажется, и не безосновательное.

Таким образом, с нашей точки зрения, наиболее вероятным регионом Понта, откуда везли хлеб торговые суда, о которых сообщает Геродот, был район Керченского пролива, т.е. территория будущего Боспорского государства.

Когда речь идет о номенклатуре товаров в торговле греческих полисов метрополии с вновь основанными колониями на окраинах античного мира, помимо хлеба обычно говорят еще и о рабах⁹⁰. Возможно ли был экспорт рабов из северных регионов Понта в Грецию? В небольшом количестве специальных работ по этой проблеме особого значения рабам как товару не придается⁹¹. В общих же работах говорится лишь о наличии такой статьи экспорта⁹². Однако скудость источниковедческой базы не позволяет изучить этот вопрос во всей полноте. Надежные сведения на этот счет относятся к более позднему времени (Strabo. XI.2.3; Polyb. IV.38.4). Тем не менее некоторые данные, в том числе и новые, позволяют более уверенно говорить на эту тему.

Из того факта, что письменная традиция сообщает крайне ограниченные сведения о работорговле в античную эпоху в интересующем нас регионе, не следует делать поспешных и неутешительных выводов, поскольку такая ситуация характерна для всего греческого мира⁹³. В таких условиях важны не только прямые, но и косвенные свидетельства по этому вопросу. Среди последних можно назвать хорошо известные данные о скифах-лучниках, выполнявших полицейские функции в Афинах в V в. до н.э., изображения на расписных вазах людей с характерными северопричерноморскими именами, а также имя вазописца – Скиф⁹⁴. Все это предполагает знакомство греков метрополии с представителями местного населения, прибывшего с побережья Черного

⁸⁸ ... κατά δὲ τῆς Ἀσίας οἱ τοῦ Κιζιμερίου Βοσπόρου βασιλεύσαντες, ὀνομασθέντες δὲ Ἀρχεανακτίδαι ᾤξαν ἐτη δύο πρὸς τοῖς τατταράκουτα.

⁸⁹ О времени появления государства на Боспоре см. *Васильев А.Н.* К вопросу о времени образования Боспорского государства // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992. С. 124 сл.

⁹⁰ *Arafat, Morgan.* Athens ... P. 129.

⁹¹ *Блаватский В.Д.* Рабство и его источники в античных государствах Северного Причерноморья // СА. 1954. XX. С. 45; *Гольденберг В.А.* Северное Причерноморье как рынок рабов для средиземноморского рынка // ВДИ. 1953. № 1. С. 204 сл.

⁹² Например: *Гайдукевич.* Боспорское царство. С. 83; *Брашинский.* Афины ... С. 28, 30; *он же.* Торговля // Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. С. 175.

⁹³ *Finley M.I.* Economy and Society in Ancient Greece. N.Y., 1983. P. 167 (статья называется «The Slave Trade in Antiquity: The Black Sea and Danubian Regions»).

⁹⁴ *Брашинский.* Афины ... С. 28, 30. Имеющееся в литературе предположение о том, что скифы использовались в качестве телохранителей афинским тираном Писистратом, разделяется отнюдь не всеми исследователями (см. *Shapiro H.A.* Amazons, Thracians, and Scythians // Greek, Roman and Byzantine Studies. 1983. V. 24. № 2. P. 112; *Lavelle B.M.* Herodotos, Scythian Archers, and the *doryphoroi* of the Peisistratids // Klio. 1992. 74. P. 92, 97; *Фролов Э.Д.* Скифы в Афинах // ВДИ. 1998. № 1. С. 138).

моря еще в VI в. до н.э.⁹⁵ Определенным подтверждением этого являются находки лепной керамики «варварского» типа в архаических слоях практически всех причерноморских городов⁹⁶. Наиболее отчетливо о рабах, которыми владели жители Березани и Ольвии, говорится в двух граффити, найденных в этих поселениях⁹⁷. Упоминание слова *δοῦλο* во множественном числе свидетельствует о том, что некоторые из их жителей владели более чем одним рабом⁹⁸.

Таким образом, можно полагать, что рабов в греческих колониях северного побережья Черного моря стали использовать довольно рано, не позже, по крайней мере, середины VI в. до н.э. В этом нет ничего удивительного, поскольку колонии в принципиальном плане ничем не отличались от полисов метрополии, в социально-экономической структуре которых рабство занимало вполне определенное место. Однако вопрос о месте работорговли в экономике причерноморских городов во многом остается открытым. Во-первых, нам неизвестно, откуда происходили рабы жителей понтийских городов. Наиболее вероятно предположение о покупке и захвате в плен местных жителей. Это может подтверждаться местной лепной керамикой из греческих городов. Однако не исключено, что ее захватили с собой местные женщины, на которых часто женились колонисты, что было весьма распространенной практикой (Herod. I. 146)⁹⁹. Во-вторых, признавая факт вывоза рабов в архаический период, мы не можем сказать ничего определенного об объемах такой торговли.

По уже упоминавшимся свидетельствам Полибия (IV. 38. 4) и Страбона (XI. 2. 3), помимо хлеба и рабов с Понта вывозились также скот и продукты животноводства (кожи, шерсть), рыба, мед, воск¹⁰⁰. Среди предметов, импортировавшихся в Северный Понт, обычно перечисляют вино, оливковое масло, разнообразную посуду, ткани, продукцию деревообработки и некоторые другие товары¹⁰¹.

Данные археологических раскопок позволяют расширить список ввозившихся в

⁹⁵ *Garlan Y. Slavery in Ancient Greece. Ithaca-London, 1988. P. 46. М. Финли полагал даже, что торговля рабами в небольших объемах началась не позднее конца VII в. до н.э. (Economy and Society... P. 169).*

⁹⁶ Ср.: *Марченко К.К. Варвары в составе населения Березани и Ольвии. Л., 1988. С. 118, 120.* Отметим несколько странный вывод К.К. Марченко по поводу наличия лепной керамики фракийского типа на Березани. Он считает возможным говорить на этом основании о переселении фракийцев в Нижнее Побужье с целью торговли с жителями Березани (с. 114 сл.). Однако трудно себе представить, что фракийцы проделали большой путь в сотни километров со своей родины через чужие территории, чтобы установить мифические торговые связи (чем?) с крошечным поселением на (полу)острове, в то время как на западном побережье Черного моря для этого имелись точно такие же греческие колонии. Гораздо более вероятным выглядит предположение о том, что лепная керамика была оставлена фракийцами-рабами (рабынями-наложницами?), купленными, например, при прохождении мимо фракийского побережья судов, направлявшихся в Северный Понт.

⁹⁷ Ольвийское граффито датируется примерно серединой VI в. до н.э. (*Виноградов. Политическая история... С. 65 сл.*), а березанское – временем около 500 г. до н.э. (*Bravo B. Une lettre sur plomb de Beresan: colonisation et modes de contact dans le Pont // ДНА. 1974. I. P. 177*). Теперь к ним прибавились письма на свинцовых табличках из Березани и Фанагории, только что опубликованные Ю.Г. Виноградовым. Первое датируется издателем примерно серединой третьей четверти VI в. до н.э., второе – 30-10-ми годами этого столетия (*Vinogradov Y. The Greek Colonisation of the Black Sea Region in the Light of Private Lead Letters // The Greek Colonisation of the Black Sea Area. Historical Interpretation of Archaeology / Ed. G. Tsatskheladze. Stuttgart, 1998. P. 154-156, 160-163*). Последнее письмо сообщает уникальные сведения о торговле рабами между Ольвией и Фанагорией.

⁹⁸ *Яйленко В.П. Архаическая Греция // Античная Греция. Т. I. М., 1983. С. 150 сл.*

⁹⁹ *Morel J.-P. Greek Colonization in Italy and in the West (Problems of Evidence and Interpretation) // Crossroads of the Mediterranean / Ed. T. Hackens, N.D. Holloway, R.R. Holloway. Louvain-La-Neuve – Providence, 1983. P. 134 f.; Coldstream J.N. Mixed Marriages at the Frontiers of the Early Greek World // OJA. 1993. 13. P. 89-107.*

¹⁰⁰ *Брашинский. Торговля ... С. 175; Виноградов. Полис ... С. 383.* Дидим в своих «Комментариях к Демосфену» сообщает о шкурах среди груза кораблей, плывших из Понта и задержанных Филиппом II в Гиероне (при входе в Босфор Фракийский) в 340 г. до н.э. (*Didymi de Demosthene commenta, II, 1, col. 11 / Ed. H. Diels-W. Schubart. Lipsiae, 1904*). См. *Bresson A. L'attentat d'Hieron et le commerce grec // Économie antique. Les échanges dans l'Antiquité: le rôle de l'État. Toulouse, 1994. P. 47 suiv.*

¹⁰¹ *Виноградов. Полис ... С. 382.*

Северное Причерноморье товаров и предметов: самые разнообразные изделия из металлов (оружие¹⁰², бронзовая посуда¹⁰³, зеркала¹⁰⁴, серьги, ожерелья¹⁰⁵), металлы (в первую очередь олово, медь, свинец)¹⁰⁶, мраморная скульптура¹⁰⁷ черепицы и архитектурная терракота¹⁰⁸, ювелирные изделия, в том числе бусы¹⁰⁹ и другие украшения¹¹⁰, терракотовые статуэтки¹¹¹, пифосы (найденные, например, в Фанагории и Келах в слое VI в. до н.э.) и некоторые другие вещи. По всей видимости, справедливо предположение о ввозе в апойкии Северного Понта тканей, ковров, обуви, одежды и т.п. В архаических слоях часто встречается привозной камень, который был дефицитным в некоторых регионах Причерноморья. Полагают, что он служил в качестве балласта на судах, идущих в Понт¹¹². Не все товары поступали в Северное Причерноморье только из Средиземноморья. Обмен производился и между полисами, расположенными по периметру Понта. В частности, в боспорских городах обнаружены колхидские пифосы¹¹³.

Греческие апойкии северного побережья Черного моря, как и прочие колонии, основанные в эпоху греческой колонизации, конституировались в качестве полисов¹¹⁴. Мы не можем не сослаться со словами И. Малкина о том, что «идея полиса предшествовала акту его основания»¹¹⁵. Вновь выведенные колонии были независимы от

¹⁰² Блаватский В.Д. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954. С. 69; Скуднова В.М. Погребение с оружием из архаического некрополя Ольвии // ЗОАО. Т. I. 1960. С. 60 слл.

¹⁰³ Прушевская Е.О. Художественная обработка металлов (торевтика) // Античные города Северного Причерноморья. М.—Л., 1955. С. 326 слл.

¹⁰⁴ Биллимович З.А. Греческие бронзовые зеркала эрмитажного собрания // ТГЭ. 1976. XVII. С. 32, 58 слл.; Скржинская М.В. Зеркала архаического периода из Ольвии и Березани // Античная культура Северного Причерноморья. Киев, 1984. С. 105 слл.

¹⁰⁵ Скржинская М.В. Греческие серьги и ожерелья архаического периода // Ольвия и ее округа. Киев, 1986. С. 112 слл.

¹⁰⁶ Трейстер М.Ю. Роль металлов в эпоху Великой греческой колонизации // ВДИ. 1988. № 1. С. 40 сл.

¹⁰⁷ Русева А.С. Скульптура // Культура населения Ольвии и ее округа в архаическое время. Киев, 1987. С. 154 слл.; Кобылина М.М. Культура и религия // Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. С. 212.

¹⁰⁸ Блаватский В.Д. Пантикапей. М., 1964. С. 28; Брагинский И.Б. Новые архитектурные терракотовые украшения из Ольвии // Культура античного мира. М., 1966. С. 47 слл.; Русева А.С. Милет—Дидимы—Борисфен—Ольвия. Проблемы колонизации Нижнего Побужья // ВДИ. 1986. № 2. С. 35; Зеест И.Б. Архаическая импортная черепица Пантикапея // КСИА. 1969. 116. С. 40 слл.

¹⁰⁹ Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. САИ. Г1—12. М., 1975. С. 25.

¹¹⁰ Скржинская М.В. Украшения и предметы туалета // Культура населения Ольвии... С. 175 слл.

¹¹¹ Кобылина М.М. Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М., 1961. С. 43; Денисова В.И. Коропластика Боспора. Л., 1981. С. 18 слл.; Терракотовые статуэтки Северного Причерноморья. САИ. Г1—11. М., 1970 (статьи В.М. Скудновой, Е.И. Денисовой и др.); Русева А.С. Терракоты и фигурные сосуды // Культура населения Ольвии... С. 160 слл.; Копейкина Л.В. Комплекс архаических терракот с Березани // ВДИ. 1977. № 3. С. 92 слл.

¹¹² Карасев А.Н. Развитие строительно-каменотесного ремесла в античных городах Северного Причерноморья (VII—I вв. до н.э.) // ПИСПАЭ. С. 130. О практике утяжеления корабель балластом из камней см. *Amis M.* Athens and the Sea. A Study in Athenian Sea-Power. Bruxelles—Berchem. 1965. P. 15.

¹¹³ Лордкипанидзе О.Д. К вопросу о связях Колхиды с Северным Причерноморьем в VI—IV вв. // История и культура античного мира. М., 1977. С. 113; Капанандзе Д.Г. К вопросу об экономических связях Северного и Восточного Причерноморья в античную эпоху по нумизматическим данным // ПИСПАЭ. С. 142; Сокольский Н.И. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1971. С. 36 сл.

¹¹⁴ Ehrhardt N. Milet und seine Kolonien. Vergleichende Untersuchung der kultischen und politischen Einrichtung. Frankfurt am Main—Bern—New York, 1983. S. 70.

¹¹⁵ Malkin I. Religion and Colonisation in Ancient Greece. Leiden, 1987. P. 203. С этим, однако, не согласен А. Брессон. По его мнению, не каждая апойкия обязательно является полисом (*Bresson A.* Les cités grecques et leurs emporia // L'emporion. Textes réunis par A. Bresson et P. Rouillard. P., 1993. P. 221). В своих рассуждениях на эту тему он опирается на сообщение Фукидида (IV.102) о выводе в 437 г. до н.э. афинской колонии Амфиополя, который был произведен из Эйона, афинского эмпория (ἐμπόριον ἐπὶ τῷ στόματι τοῦ

метрополии как политически, так и экономически. Основой экономики причерноморских государств было сельское хозяйство – база полисной автаркии, благо земли в рассматриваемом регионе античного мира были в достаточной степени плодородными. Это позволяло грекам-колонистам обеспечивать себя в значительной степени всей необходимой сельскохозяйственной продукцией, за исключением, например, вина и оливкового масла и, видимо, некоторых других продуктов. Данные археологии свидетельствуют о том, что сразу же после прибытия на новую родину переселенцы стали налаживать производство необходимых для повседневной жизни изделий и предметов. В результате раскопок в разных городах обнаружены следы ремесленного производства самых разнообразных изделий из металлов, дерева, камня, глины, кости (литье металлов, металлообработка, изготовление бронзовых статуй, посуды, террактовых статуэток и прочих предметов из глины, деревообработка и т.д.)¹¹⁶. Это не удиви-

ποταζοῦ ἐπιβάσσειον). Из этого факта Брессон делает глобальный вывод о возможности эмпорий на стадии в колониационном процессе, причем не только для классического периода, но и для архаической эпохи (с. 219–221). В связи с этим он несколько не сомневается в том, что, например, в Понте таким эмпорием для Ольвии была Березань. Естественно, что при этом для автора остается тайной дискуссии на эту тему, которые велись и ведутся в отечественной археологической литературе. Не подозревает он и о том, что от эмпорий на стадии в греческой колонизации в этой литературе уже отказались (*Саврыкин С.Ю.* Борьба за экономические зоны влияния в VI–II вв. до н.э. Государственная политика или частная инициатива? // *Античные полисы и местное население Причерноморья.* Севастополь, 1995. С. 130 сл.). Это и не удивительно, поскольку А. Брессон опирается на весьма поверхностную и не представляющую научного интереса статью Ф. Боосси (*Bossi F.* «Polis» ed «emporio» nella colonizzazione greco-pontica: Scitti, Sarmati e Greci alle foci del Don // *Atti della Accademia Nazionale dei Lincei, Rendiconti. Classe di Scienze morali, storiche e filologiche.* 1985. 39. P. 79–99), который базируется в своих выводах на научно-популярной книге В.Д. Блаватского почти сорокалетней давности (*Античная археология Северного Причерноморья.* М., 1961) и для которого на Северном Понте не существует ничего, кроме эмпориев. Говоря же по существу, следует обратить внимание на то, что афинская колонизация классического периода имела свои законы развития и принципиально отличалась от Великой греческой колонизации архаического времени. Подробнее см., например: *Figueira Th.J.* Athens and Aigina in the Age of Imperial Colonization. Baltimore-London, 1991. P. 132 (специально о целях вывода Амфиополя см. с. 185 сл.); *Parker R.* Athenian Religion Abroad // *Ritual, Politics. Athenian Democratic Accounts Presented to D. Lewis / Ed. R. Osborne, S. Hornblower.* Oxf., 1994. P. 341. Р. Паркер подчеркивает, что колонии V в. до н.э. в отличие от апоийки архаического времени основывались не на новых землях, а на территориях уже существующих греческих государств. Поэтому вряд ли стоит упрощать ситуацию, превращая всего лишь один пример, к тому же отнюдь не бесспорный и относящийся к одной эпохе, в парадигму для другой эпохи (ср. *Wilson J.-P.* The Nature of Greek Overseas Settlements in the Archaic Period // *The Development of the Polis in Archaic Greece / Ed. L.G. Mitchell, P.J. Rhodes.* L.-N.Y., 1997. P. 200).

¹¹⁶ *Худяк М.М.* Из истории Нимфея VI–III вв. до н.э. Л., 1962. С. 23–31, 36–46 (принимаемые Худяком за святилища Деметры и Афродиты сооружения были в действительности кварталом ремесленников); *Скуднова В.М.* Терракоты из Нимфея // *Терракоты Северного Причерноморья.* САИ. Г1–11. М., 1970. С. 84; *Трейстер М.Ю.* Бронзолитейное ремесло Боспора // *Археология и искусство Боспора.* Сообщения ГМИИ, 1992. X. С. 73–74; *Марченко И.Д.* Позднеархаическая мастерская оружейника в Пантикаее // *СА.* 1971. № 2. С. 148–156; *она же.* Раскопки Пантикаея в 1959–1964 гг. // *Сообщения ГМИИ.* 1968. IV. С. 32–37; *Шелов Д.Б.* Железодельное производство в Северном Причерноморье в раннеантичное время // *КСИА.* 1975. 159. С. 3–8; *Кобылина М.М.* Раскопки Фанагории // *КСИА.* 1953. 51. С. 124–127; *она же.* Раскопки юго-восточного района Фанагории в 1964 г. // *КСИА.* 1967. 109. С. 124–129; *она же.* Сооружения V в. до н.э. на южной окраине Фанагории // *КСИА.* 1969. 116. С. 104; *она же.* Квартал ремесленников на южной окраине Фанагории // *КСИА.* 1970. 124. С. 69–72; *Долгоруков В.С.* Литейная форма из Фанагории // *Проблемы античной культуры.* М., 1986. С. 145–149; *Долгоруков В.С., Колесников А.Б.* Новый тип строительных комплексов Фанагории // *РА.* 1993. № 1. С. 113–132. Глиняно-плетневые сооружения Фанагории представляли собой помещения для ремесленных мастерских: *Кузнецов В.Д.* Ранние типы греческого жилища в Северном Причерноморье // *Боспорский сборник.* Вып. 6. М., 1995. С. 114; *Лалин В.В.* Экономическая характеристика Березанского поселения // *Античный город.* М., 1963. С. 37; *Сон Н.А.* Ремесленное производство // *Культура населения Ольвии...* С. 119–124; *Крутилов В.В.* Мастерские по обработке металлов в Ольвии // *Новые страницы древней истории Южной Украины.* Николаев, 1997. С. 25; *Онайко Н.А.* Архаический Торик. Античный город на северо-востоке Понта. М., 1980. С. 92; *Сокольский.* Деревообрабатывающее ремесло... С. 229–232; *он же.* Античные деревянные саркофаги Северного Причерноморья // *САИ.* Г1–17. М., 1969. С. 13.

тельно, поскольку без собственного производства большого количества изделий, входивших в категорию предметов первой необходимости, вновь выведенные колонии полностью бы зависели от ввоза значительного количества дорогих (из-за платы за перевозку) товаров, который было бы нечем оплачивать. В самом деле, невозможно представить, чтобы переселенцы не могли наладить производство и вынуждены были ввозить такие, например, изделия, как обычные орудия труда и оружие, мебель, одежду, гвозди, скобы, мелкие изделия из дерева и других материалов, а также доски, планки, сырцовые кирпичи и многое другое, без чего невозможно было жить буквально с первых дней. Эпиграфические документы классического и эллинистического периодов показывают, что даже небольшие города стремились производить максимум необходимых предметов у себя дома, поскольку их импорт заметно удорожал жизнь¹¹⁷.

Однако полисное стремление к самообеспечению было лимитировано недостатком или просто отсутствием ряда необходимых товаров и сырья. Так, оливковое масло, которое не могло производиться на северном побережье Понта и которое было совершенно необходимо не только для приготовления пищи, но и для продолжения греческого образа жизни на новой родине, неизбежно должно было импортироваться из метрополии. То же самое касается и вина. Но эти два продукта легко обнаруживаются в качестве статей импорта благодаря амфорной таре, в которой они перевозились. С другими товарами дело обстоит гораздо хуже, потому что они не сохраняются в земле. Возможность ввоза некоторых из них может быть определена на основе более или менее случайных находок. Так, например, находка в Ольвии граффито σιωπ, которое Ю.Г. Виноградов понимает как Σιωπῆς (sc. μίλτος), означает, что в начале V в. до н.э. из Синопы сюда привозили охру¹¹⁸. В определенной степени это предположение подтверждается ольвийским декретом в честь синопейца Иетроклейта, которому было предоставлено право ателии на его товары¹¹⁹. Естественно, что импорт из Синопы не мог ограничиться только охрой, но здесь мы остаемся в неведении и о других товарах можем лишь гадать.

Пример с предполагаемым импортом охры показывает, помимо прочего, что имелось значительное количество товаров, о необходимости ввоза которых современному исследователю трудно догадаться¹²⁰. Гораздо проще, казалось бы, дело обстоит с такими товарами, необходимость которых очевидна. Действительно, ни один полис не мог обойтись без различных металлов. Вне сомнения, следует согласиться с Э. Снод-грассом в том, что металлы, относившиеся к числу наиболее тяжелых грузов, перевозились по морю в разные части ойкумены¹²¹. Это подтверждается и составом грузов

¹¹⁷ Например, небольшой город Делос, располагавшийся на крошечном острове, обладал собственными эргастериями по обработке металлов (в том числе по изготовлению знаменитых делосских бронз – *Plin. NH. XXIV.9*) (*Hellmann M.-Ch. A propos de certains termes techniques dans les inscriptions de Délos // ZPE. 1990. 80. P. 65 suiv.*), мастерскими по изготовлению керамических изделий (*Vial Cl. Délos indépendante. BCH Suppl. X. P. 1984. P. 349*), пурпурной краски (*Bruneau Ph. Documents sur l'industrie délienne de la pourpre // BCH. 1969. 93. P. 765–791*), по обработке дерева, верфями и т.д. Поэтому импортировалось только то, что отсутствовало на острове, и среди прочего – сырье (например дерево).

¹¹⁸ Она, в частности, была необходима в строительстве для нанесения на камень красных красок.

¹¹⁹ *Виноградов Ю.Г.* Синопа и Ольвия в V в. до н.э. Проблема политического устройства // ВДИ. 1981. № 2. С. 80; *он же.* Понт Евксинский как политическое, экономическое и культурное единство и эпиграфика // *Античные подписи... Севастополь, 1995. С. 12.*

¹²⁰ Например, с определенной долей вероятности можно предположить, что в Северное Причерноморье привозились изделия из льна (в частности, такая необходимая вещь, как одежда), которые производились в Египте. Это следует не только из того факта, что лен не выращивался на Понте, но и из того, что ионийские города, чьи купцы торговали с Причерноморьем в VI в. до н.э., имели самые тесные связи с Навкратисом, откуда вывозились разнообразные египетские товары (*Boardman J. The Greeks Overseas. Their Early Colonies and Trade. L., 1980. P. 123–130*). Не случайно по-видимому, некоторые из таких египетских вещей находят в городах Понта (*Алексеева.* Античные бусы... С. 25).

¹²¹ *Snodgrass A.* Heavy Freight in Archaic Greece // *Trade in the Ancient Economy. L., 1983. P. 18 ff.*; *Treister M.* The Role of Metals in Ancient Greek History. Leiden–New York–Köln, 1996. P. 97–103.

кораблей, потерпевших кораблекрушение¹²². В Северное Причерноморье металлы также привозились, но мы не знаем откуда.

Другим тяжелым грузом, по Снодграссу, был мрамор. Нужда в мраморе в городах Северного Понта в архаический период не была большой. Дело в том, что уровень их экономического развития не позволял строить общественные сооружения из этого дорогостоящего материала¹²³. К тому же его транспортировка на большое расстояние была очень сложным и дорогостоящим мероприятием. Что же касается скульптур божеств, стоявших в храмах, то совершенно не обязательно они должны были быть мраморными: в период архаики обычным явлением были деревянные скульптуры¹²⁴.

Список изделий и предметов, который приведен выше и который фиксируется по преимуществу археологически, лишь односторонне отражает номенклатуру товаров, ввозившихся в города Северного Понта. Но зато некоторые из этих товаров дают возможность проследить вероятное направление торговых связей со Средиземноморьем. И здесь роль керамики (прежде всего расписной) не может быть недооценена. Она выступает в качестве указателя на наличие определенных, не обязательно прямых и часто опосредствованных, связей между регионами, в том числе и как *index of commerce*¹²⁵.

Известно, что примерно до середины VI в. до н.э. на северном побережье Понта (впрочем так же, как и в других частях этого региона) господствующей была ионийская керамика. Причем, если в VII в. до н.э. преобладала посуда из южной Ионии, то начиная со следующего столетия ее заменяет североионийская. Какие отсюда следуют выводы? Может быть, нужно говорить о присутствии среди милетских эмигрантов выходцев из городов Северной Ионии, переселившихся на берега Черного моря¹²⁶. Или речь должна идти об утере Милетом своего лидерства в торговле среди прочих ионийских городов¹²⁷. Базируясь только на данных керамики, мы не сможем дать определенный ответ на этот вопрос. Отметим лишь, что преобладание североионийской керамики приходится на время начиная с второй четверти VI в. до н.э.¹²⁸. Именно в этот период были выведены многие причерноморские колонии. Расписная керамика показывает, что основным торговым партнером этих апоекий в VII – первой половине VI в. до н.э. были города Ионии, т.е. метрополия. Этот вывод подтверждается и амфорной тарой. В процентном отношении подавляющее большинство амфор этого отрезка времени происходит из восточногреческих центров (Хиос, Лесбос, Клазомены, Самос и др.)¹²⁹.

¹²² Parker A.J. *Classical Antiquity: the Maritime Dimension* // *Antiquity*. 1990. 64. P. 337.

¹²³ Это замечание справедливо и для подавляющего большинства полисов метрополии. Вспомним, например, что храм Аполлона в панэллинском святилище в Дельфах должен был быть построен (в конце VI в. до н.э.) из пороса (сорт мягкого камня) (*Herod.* II. 180; V. 62). Однако богатый афинский род Алкмеонидов подрядился его соорудить из паросского мрамора, что было весьма необычно из-за дороговизны (*La Coste-Messelière de P. Les Alcmeonides à Delphes* // *BCH*. 1946. 70. P. 271–287).

¹²⁴ У Павсания, например, часто можно встретить упоминания о «древних деревянных изображениях» божеств (I.23.9; 27.1; 35; 38.8; 43.5; II.2.3; 2.5–6; 10.1; 11.8; 17.5; 19.6; 23.1 и др.). А в одном месте он пишет следующее: «...я убежден, что тогда (т.е. в древности. – В.К.) все статуи были деревянными, особенно египетские» (II.19.3) (пер. С.П. Кондратьева). Любопытная запись сохранилась в инвентарных списках дельфского святилища Аполлона (II в. до н.э.), где среди прочего перечислены «23 древних деревянных (статуй) Аполлона; 10 деревянных – Артемид» (ID, № 1428, col. II. 50–51).

¹²⁵ Morel. *La céramique...* P. 66–74. Ср.: Cook R.M. *Die Bedeutung der bemalten Keramik für den griechischen Handel* // *JDAI*. 1959. 74. S. 118 ff.

¹²⁶ Конейкина Л.В. Расписная керамика архаического времени из античных поселений Нижнего Побужья и Поднепровья как источник для изучения торговых и культурных связей // АСГЭ. 1986. 27. С. 32.

¹²⁷ Dupont P. *Classification et détermination de provenance des céramiques grecques orientales archaïques d'Istros. Rapport préliminaire* // *Dacia*. 1983. 27. P. 40; Cook R.M., Dupont P. *East Greek Pottery*. L.–N.Y., 1998. P. 44.

¹²⁸ Walter-Karydi E. *Samische Gefässe des 6. Jahrhunderts v. Chr.* Bonn, 1973. S. 77–81.

¹²⁹ Абрамов А.П. Новые данные о торговых связях Боспора в VI–V вв. до н.э. // *Очерки археологии и истории Боспора*. М., 1992. С. 256; Завойкин А.А. Периодизация торговых связей по керамической таре и некоторые вопросы ранней истории Фанагории: вторая половина VI–V вв. до н.э. // *Очерки археологии и*

Определенные изменения в направлениях торговых связей, которые фиксируются на основе появления (примерно с середины VI в. до н.э.) и постепенного преобладания аттической расписной керамики, многие исследователи связывают с активизацией Афин на причерноморском рынке¹³⁰. Однако это утверждение по крайней мере спорно. Как показывает исследование А. Джонстона, значительное количество меток (marks) на поддоне аттических расписных сосудов было сделано на ионийском диалекте (прочие – на других диалектах)¹³¹. Из этого следует, что аттические вазы перевозились по преимуществу или исключительно неафинянами. А. Джонстон полагает, что этими перевозчиками могли быть ионийцы (среди них самосцы) или эгинцы¹³². По мнению К. Арафата и К. Морган, для архаического и раннеклассического времени корреляция между афинскими интересами и регионами, где обнаруживается аттическая керамика, практически отсутствует¹³³.

Если о факте перевозки ионийскими купцами аттических товаров в Понт из-за отсутствия информации не приходится говорить много, то в отношении эгинских торговцев можно сделать некоторые дополнительные замечания. Жители Эгины – острова, экономика которого, как обычно считается, не могла быть основана на сельском хозяйстве по причине крайней скудости почвы, – вынуждены были рано заняться морскими перевозками товаров в разные области Средиземноморья (Strabo. VIII.6.16)¹³⁴. Не случайно именно здесь впервые в Греции начали чеканить монету, что свидетельствует об относительно высоком уровне развития товарно-денежных отношений¹³⁵. Эгинец Сострат считался одним из богатейших людей своей эпохи, нажившим состояние морской торговлей (Herod. IV. 152). От Геродота нам известно, что персидский царь Ксеркс наблюдал на Геллеспонте эгинские суда, везущие из Понта хлеб на Эгину (которая, видимо, постоянно нуждалась в привозном зерне¹³⁶) и в Пелопоннес¹³⁷. Поэтому не исключено, что эти купцы плавали по Черному морю и в VI в. до н.э. В таком случае по пути своего следования они могли заходить в Афины, приобретая там товары для продажи на Понте. Аналогичная практика существовала в более позднее время, о чем в одной из своих речей рассказывает Демосфен¹³⁸.

истории Боспора. М., 1992. С. 262; *Лейпунская Н.А.* Амфоры // Культура населения Ольвии и ее округа в архаическое время. Киев, 1987. С. 102; *Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко.* Сельская округа Ольвии. С. 59; *Онайко.* Архаический Торик... С. 73; *Алексеева Е.М.* Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. М., 1991. С. 41; *Кузнецов.* Раскопки в Кепках... С. 39–42.

¹³⁰ *Брашинский.* Афины... С. 23.

¹³¹ В противовес, например, дипинты на коринфских вазах, которые делались на коринфском диалекте (*Arafat, Morgan, Athens...* P. 109).

¹³² *Johnston.* Trademarks on Greek Vases (1979). P. 49–51; *idem.* Trademarks on Greek Vases // Greece and Rome. 1974. 21. P. 143.

¹³³ *Arafat, Morgan.* Athens... P. 110.

¹³⁴ *Figueira T.J.* Aegina: Society and Politics. Salem, 1981.

¹³⁵ *Starr Ch.G.* The Economic and Social Growth of Early Greece 800–500 B.C. N.Y., 1977. P. 109; *Osborne R.* Greece in the Making, 1200–479 BC. L.–N.Y., 1996. P. 257. В нумизматической литературе идут активные дискуссии о времени появления первых монет среди сторонников довольно позднего возникновения монеты (около 560 г. до н.э.) (см. *Kraay C.M.* Archaic and Classical Greek Coins. L., 1978. P. 20–30. Еще позднее: *Price M., Waggoner N.* Archaic Greek Coinage: The Assyut Hoard. L., 1975) и ранней чеканки (*Kagan D.* The Dates of the Earliest Coins // AJA. 1982. 86. P. 343–360). Д. Кэган считает, что монету стали чеканить около 675 г. до н.э. сначала на Эгине, а затем в Коринфе и Афинах (*The Dates...* P. 359 f.). По мнению Х. Монтгомери, если принять позднюю дату чеканки монеты, то окажется, что экономика Эгины в VII в. до н.э. и Коринфа времени Кипсела функционировала без монеты. Отсюда следует, что роль торговли в их экономике преувеличена. Введение монеты не упростило торговлю, это было необходимо для фискальных целей (*Montgomery H.* Silver, Coins and the Wealth of a City-State // Opuscula Atheniensia. 1984. 15. P. 126).

¹³⁶ *Jameson M.* Famine in the Greek World // Trade and Famine in Classical Antiquity / Ed. P. Garnsey, C.R. Whitaker. Camb., 1983. P. 11.

¹³⁷ По предположению Дж. Дэвиса, участие в перевозке аттических товаров могли принимать и коринфские суда (*Davies J.K.* Wealth and the Power of Wealth in Classical Athens. Salem, 1984. P. P. 39).

¹³⁸ Некие Артемон и Аполлотор по дороге из Афин купили мендское вино в амфорах для продажи на Боспоре (*Dem.* XXXV. 10, 20).

Подведем итоги. Греческие апойкии на северном побережье Черного моря не были выведены ни с торговой, ни с аграрной, ни с какой-либо другой целью в интересах метрополии, кроме одной-единственной – разрешить при помощи выселения части (иногда даже всех) жителей социально-экономические и политические проблемы внутри государства. Эмигранты покидали свою родину для того, чтобы продолжить свой *modus vivendi* на новом месте. Вновь основанные апойкии представляли собой полисы. Переселенцы обустроивали свою жизнь в соответствии с теми же принципами, по которым они жили раньше. Главная их задача состояла в том, чтобы создать независимую самообеспечивающуюся общину. Для этого прежде всего было необходимо наладить собственное производство продуктов питания и предметов первой необходимости. Поэтому основой экономики было сельское хозяйство. До сих пор нам недостаточно хорошо известна хора городов Понта архаического периода¹³⁹. Тем не менее мы можем констатировать, что к концу архаической эпохи в Нижнем Побужье и на Боспоре существовало значительное количество сельских поселений¹⁴⁰.

С самого начала существования новых поселений в них налаживалось изготовление разнообразных ремесленных изделий. Переселенцы перенесли на новую родину тот уровень производственной ремесленной культуры, которого достигла к этому времени метрополия. Показателем этого является, например, бронзолитейная мастерская второй половины VI в. до н.э., обнаруженная в Фанагории, где была отлита бронзовая статуя в полный человеческий рост.

Неотъемлемой частью экономической структуры была торговля. Ее роль заключалась в обеспечении общины теми товарами, которые были жизненно необходимы (как с точки зрения физической, так и духовной) для ее полноценного функционирования и которые в ней отсутствовали или не могли быть по тем или иным причинам произведены. Однако не следует преувеличивать эту роль. Экономика архаической Греции – и полисы северного побережья Понта ничем не отличаются в этом отношении от других частей ойкумены – была в значительной степени автаркичной. Основная масса необходимого продукта производилась в полисе. Лишь незначительная часть полисов нуждалась в каком-то более или менее заметном количестве импортированных товаров¹⁴¹. Особенно это касается сельской территории. Даже в таком развитом регионе, как Аттика, для классического времени рынки известны лишь в самих Афинах, а также в их порту Пирее и на Сунии¹⁴². Поэтому торговля занимала в значительной степени маргинальное место в экономике¹⁴³. Э. Снодграсс отмечает, что в отличие от других обществ в архаической Греции не существовало развитого класса профессиональных торговцев¹⁴⁴. Не было и торговых государств или городов, проводивших какую-либо специальную торговую политику: торговля была делом частной инициативы¹⁴⁵. Далекое не все торговые операции осуществлялись профессиональными

¹³⁹ Проблема здесь состоит не в количестве известных поселений, хотя не следует и преуменьшать значение таких данных, а в структуре сельского хозяйства и его направленности.

¹⁴⁰ Абрамов, Паромов. Раннеантичные поселения... С. 73; Масленников А.А. Некоторые проблемы ранней истории Боспорского государства в свете новейших археологических исследований в Восточном Крыму // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. III. Москва–Магнитогорск, 1996. С. 63 сл.

¹⁴¹ Arafat, Morgan. Athens... P. 132; Reger G. Regionalism and Change in the Economy of Independent Delos, 314–167 B.C. Berkeley–Los Angeles–Oxford, 1994. P. 109.

¹⁴² Osborne. Classical Landscape with Figures... P. 108.

¹⁴³ См. Snodgrass. Archaic Greece. P. 129.

¹⁴⁴ Ibid. P. 136. По вопросу о социальном статусе торговцев архаического времени имеются две точки зрения. В соответствии с одной из них торговлей занималась знать, аристократия (*Mele A. Il commercio greco arcaico. Prexis ed emporie. Napoli, 1979*), в соответствии с другой – люди, находящиеся в зависимости от аристократов, либо разорявшаяся знать (*Bravo B. Commerce et noblesse en Grèce archaïque. A propos d'un livre d'Alfonso Mele // DHA. 1984. 10. P. 99–160; idem. Remarques sur les assises sociales, les formes d'organisation et la terminologie du commerce maritime à l'époque archaïque // DHA. 1977. 3. P. 1–59*).

¹⁴⁵ Hasebroek J. Trade and Politics in Ancient Greece. L., 1933. P. 43, 101; Reed C.M. Maritime Traders in the Archaic Greek World: A Typology of Those Engaged in the Long Distant Transfer of Goods by Sea // The Ancient World. 1984. V. X. № 1–2. P. 39–40.

купцами. Плавание в такой удаленный район, каким было северное побережье Черного моря, было серьезным и сложным мероприятием. У нас нет никакой уверенности в том, что суда беспрерывно ходили в Черное море и обратно. Скорее наоборот, количество этих судов не было столь велико, плавание же было сезонным¹⁴⁶. Поэтому на каждом таком судне путешествовали не только купцы, отправлявшиеся за барышом, но и люди, плывшие в ту и другую сторону по своим делам: метрополия и колония были соединены многочисленными политическими, религиозными и прочими связями, включая родственные. Чтобы окупить поездку, многие из путешествующих могли брать с собой какие-либо товары, дефицит которых ощущался, как они знали, на том или другом конце маршрута. Так, знаменитый афинский законодатель Солон плывал в Египет как по торговым делам, так и из-за любознательности (кат' ἔμπορον ἄρα кат' ἑσπρίαν) (Arist. Ath. Pol. 11.1; ср.: Plut. Sol. 2). А брат поэтессы Сапфо Харакс, чтобы окупить поездку в Навкратис, брал с собой лесбосское вино (Strabo. XVII.1.33). Кроме того, все путешественники несомненно брали с собой разнообразные изделия в качестве приношений в местные храмы, чтобы отблагодарить бога за благополучное окончание трудного плавания. В значительной степени именно таким образом в понтийские города попадала архаическая расписная керамика, а также другие мелкие предметы (импортные терракотовые статуэтки, украшения и т.п.). Соответственно, обнаружение таких предметов будет свидетельствовать не столько о торговых, сколько об иных связях между разными регионами греческого мира.

Естественно, что после основания новых городов переселенцы неизбежно вступали в контакты – дружественные или враждебные – с местным населением. Очевидно, между ними были и определенные обменные операции. Найденные в некоторых частях ойкумены свинцовые таблички подтверждают это предположение¹⁴⁷. Однако говорить

¹⁴⁶ Malkin I., Shmueli N. The «City of Blind» and the Founding of Byzantium // *Mediterranean Cities: Historical Perspectives* / Ed. I. Malkin, R.L. Hohlfelder. L., 1988. P. 24 ff. В отношении объема импорта из метрополии некоторые расчеты можно провести для оливкового масла. Ввоз оливкового масла, необходимого как в быту, так и для общественных (в том числе религиозных) целей, должен был носить весьма заметный характер. На основе имеющихся письменных данных, относящихся к более позднему, по сравнению с рассматриваемым, времени некоторые исследователи произвели подсчеты количества масла, потреблявшегося одним человеком. По М.-К. Амуретти, ежегодная потребность в оливковом масле одного человека в среднем равнялась примерно 48,5 л (*Amouretti M.-C. Le pain et l'huile dans la Grèce antique*. P., 1986. P. 195), а по Г. Реджеру – примерно 23 л (*Regionalism...* P. 140). Последняя цифра получена на основании эпиграфических данных эллинистического времени из панэллинского святилища Аполлона на Делосе. Она представляется несколько завышенной для апейкий северного Понта в архаическое время. Тем не менее мы ее примем. К сожалению, крайне сложно делать какие-либо подсчеты количества населения северопричерноморских городов в архаический период с целью определения объема импорта оливкового масла. Поэтому мы возьмем широкий диапазон цифр – 20 000–100 000 человек (для Нижнего Побужья конца архаической эпохи максимальное количество жителей было недавно определено в 15 000 человек: *Отрепишко В.М. О демографическом и военном потенциале Ольвийского полиса в конце архаического периода // Новые страницы древней истории Южной Украины*. Николаев, 1997. С. 31). Если принять средний объем амфоры интересующего нас времени за 30 л, то окажется, что в год требовалось примерно 15 000–75 000 амфор с маслом. При средней грузоподъемности торгового судна в 1 500 метретов (*Casson L. Ships and Seamanship in the Ancient World*. Princeton, 1986. P. 184) для их перевозки требовалось 8–40 кораблей в год. Эти расчеты не претендуют на какую-либо точность (очевидно, что последняя цифра является сильно завышенной из-за завышения исходных данных): они лишь призваны дать представление о возможных объемах торговли и интенсивности курсирования судов. По поводу оливкового масла отметим, что в Причерноморье стоимость его была в два-три раза выше по сравнению с средиземноморскими центрами-производителями: в Афинах 12 драхм за 1 метрет, на Делосе – 15–17 драхм, на Геллеспонте – 36 драхм (см. *Lohmann H. Agriculture and Country Life in Classical Attica // Agriculture in Ancient Greece. Proceedings of the Seventh International Symposium at the Swedish Institute at Athens*, 16–17 May, 1990 / Ed. B. Wells. Stockholm, 1992. P. 54).

¹⁴⁷ Например: *Виноградов Ю.Г. Древнейшее греческое письмо с острова Березань // ВДИ*. 1971. № 4. С. 74–100; *Bravo. Une lettre sur plomb de Berezan...* P. 111–187; *Somolinos R.H. The Commercial Transaction of the Pech Maho Lead. A New Interpretation // ZPE*. 1996. 111. P. 74–78. Правда, следует отметить, что березанское письмо не относится к первоначальному этапу существования апейкии и было написано спустя примерно 150 лет после ее основания.

о большом значении такого обмена для жизнедеятельности вновь выведенных апойкий у нас пока нет оснований. Они, эти апойкии, были повернуты лицом к своей метрополии, к Средиземноморью, во всяком случае, в первоначальный период своего существования.

Весьма сложен вопрос относительно номенклатуры товаров, вывозившихся из Понта. Практически из-за полного отсутствия каких-либо источников на этот счет исследователи вынуждены вступать на шаткую почву предположений и гипотез. В отношении хлебной торговли можно сказать, что в нашем распоряжении отсутствуют объективные доказательства ее существования между Понтом и Средиземноморьем в VII–VI вв. до н.э.¹⁴⁸ По всей видимости, ее практически не было по причине отсутствия возможности выращивать товарный хлеб для его регулярной продажи. Позднее, в V в. до н.э. такая торговля начинается, как об этом свидетельствует Геродот. Однако нам неизвестны ни ее объем, ни то, из какой части Понта везли зерно эгинские купцы. Наиболее вероятным претендентом являлся Боспор. И не только потому, что позднее, в IV в. до н.э. он продает хлеб Афинам и другим греческим полисам, но и вследствие появления здесь государственной структуры деспотического типа (Археанактиды). Последнее предполагает сосредоточение в руках правящей верхушки сверхнормативных материальных ценностей, полученных от эксплуатации подвластной территории.

В связи с хлебной торговлей Понта уместным будет обратить внимание на следующее обстоятельство. Известно, что экономическое, социальное и политическое положение общины может отражаться на внешнем облике города. Приведем хорошо всем известный пример. Многие полисы Великой Греции были очень богатыми уже в архаический период. Символом этого богатства, в частности, были храмы, в том числе очень больших размеров, построенные в Селинунте, Пестуме, Акраганте и других городах. Например, Селинунт выстроил в довольно короткий промежуток времени несколько таких храмов и в этом отношении не имел себе равных в греческом мире. Источником этого богатства были плодородные земли, которые позволяли выращивать разнообразную сельскохозяйственную продукцию, особенно хлеб¹⁴⁹. Можно полагать, что если бы северопонтийские города также постоянно экспортировали хлеб в Средиземноморье в более или менее заметных количествах, то по логике вещей определенная часть получаемой прибыли должна была идти на благоустройство городов. Однако если верить большинству археологов, исследующих эти города, то мы имеем прямо противоположную картину: северопонтийские полисы на протяжении многих десятилетий не только не отличались сколько-нибудь активной строительной политикой, но даже напротив – их жители обитали не в домах, а в землянках и часто просто в ямах¹⁵⁰. В любом случае мы не можем говорить о наличии здесь богатых общественных сооружений.

Чем же мог покрываться импорт, на первое место в котором мы вынуждены объективно ставить оливковое масло и вино¹⁵¹, поступавшие в Северный Понт? Сами колонии вряд ли производили нечто такое, что не могло быть произведено в метрополии. Следовательно, речь может идти в первую очередь о каких-либо местных ресурсах. О торговле с местным населением, которое могло продавать свои товары, какие-либо серьезные факты отсутствуют. При этом следует иметь в виду, что получение у местных жителей товаров, которые затем экспортировались бы в более или менее заметных количествах в Средиземноморье, могло быть делом только частной

¹⁴⁸ Нужно считать недоразумением мнение К. Ребака о том, что в письме на свинцовой табличке и в граффито из Березани речь идет о хлебной торговле (*Roebuck C. Trade // САН. IV². 1988. P. 451. Note 8*).

¹⁴⁹ *Osborne. Greece in the Making... P. 262 ff.*

¹⁵⁰ Подробнее см. *Кузнецов. Ранние типы греческого жилища...*

¹⁵¹ Важное место среди импортируемых в Понт товаров, которые занимали вино и масло, подчеркивается, помимо прочего, тем обстоятельством, что наибольшее количество восточногреческих амфор архаического времени происходит именно с побережья Черного моря (*Cook, Dupont. East Greek Pottery. P. 142 f.*).

инициативы. Не только купец, рискнувший отправиться в глубь варварской территории, мог подвергнуться ограблению, но и сами апойкии, представлявшие собой вначале небольшие поселения, могли оказаться и, видимо, оказывались мишенями для нападения со стороны окружающих племен. Только тот продукт, без которого совершенно невозможно было обойтись, мог заставить переселенцев предпринимать активные целенаправленные его поиски.

Видимо, богатые природные ресурсы Причерноморья стали одним из важнейших источников оплаты товаров из Средиземноморья. Но наряду с ними вполне определенное место занимала и работорговля. Результатом активного или пассивного противостояния между греческими апойкиями и местным населением могло стать появление военнопленных, причем как с одной, так и с другой стороны¹⁵². Но военные действия не были единственным возможным источником рабства. Рабов также могли и покупать. Несмотря на отсутствие данных об объемах работорговли, в том числе экспорта рабов из Северного Причерноморья, отметим все же следующий момент. Даже при невысоком уровне торговли рабами (каковым он, по всей видимости, и был) живой товар мог быть важной статьей экспорта по причине его высокой стоимости. Приведем некоторые цифры, относящиеся к классическому периоду, поскольку для эпохи архаики аналогичные данные, естественно, отсутствуют. Цены на рабов очень сильно колебались в зависимости от пола, возраста, профессии, физических кондиций и т.д. Разброс составлял от нескольких десятков драхм до многих сотен, а и иногда и тысяч драхм (Хен. Мет. II.5.2)¹⁵³. Если мы возьмем в качестве средней цены раба весьма умеренные цифры в 150–200 драхм, то окажется, что на эти деньги в конце эпохи архаики можно было купить 128–171 расписную амфору (*belly amphora*) или столько же гидрий по цене 7 оболов за каждую, или 30–40 медимнов пшеницы по цене 5 драхм за медимн¹⁵⁴, или 11–28 амфор хиосского вина (при стоимости 7–14 драхм за амфору)¹⁵⁵. Последняя цифра любопытна, так как известно, что хиосский импорт, прослеживаемый по амфорной таре, был едва ли не самым обильным в городах Северного Причерноморья¹⁵⁶. Учитывая то обстоятельство, что Хиос был одним из наиболее развитых рабовладельческих центров архаической Греции, можно полагать, что в обмен на свое вино и оливковое масло хиосские купцы среди прочих регионов покупали рабов и в Северном Причерноморье¹⁵⁷.

¹⁵² Аргументы в пользу отсутствия местного населения в данном колонизируемом греками регионе (например на Боспоре) в значительной мере абстрактны. Во-первых, потому, что присутствие туземного населения далеко не всегда легко зафиксировать (*Мелюкова А.И.* Скифские памятники степи Северного Причерноморья // *Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время.* М., 1989. С. 54). Во-вторых, очень трудно себе представить, что целые районы Причерноморья, где обосновались греки, находились вне контроля того или иного уровня со стороны местных племен, например, кочевников. Греки-переселенцы не выбирали время, как иногда думают некоторые исследователи (см. *Шелов-Коведьев.* История Боспора... С. 52–54), для того, чтобы обосноваться на выбранной территории: эмиграция происходила не по причинам, находившимся в осваиваемом районе, а в связи с внутренними проблемами метрополии. Из письменных источников известно много историй (например: *Thuc.* I. 24.4; *Sirabo.* VI.1.2), рассказывающих о том, как эмигранты вступали в сражения с туземным населением для отвоевания места под будущий полис, не ожидая никаких благоприятных ситуаций, поскольку не располагали для этого ни возможностями, ни временем (см. *Loukopoulou L.D.* Contribution à l'histoire de la Thrace Propontique durant la période archaïque. Athènes, 1989. P. 63).

¹⁵³ *Westermann W.L.* Sklaverei // RE. 1935. Suppl. 6. Sp. 915 f.; *Prichett W.K.* The Attic Stelai. Pt. II // *Hesperia.* 1956. 25. P. 277; *Garlan.* Slavery in Ancient Greece. P. 54 f.

¹⁵⁴ *Gill D.W.J., Vickers M.* Reflected Glory: Pottery and Precious Metal in Classical Greece // *JDAI.* 1995. 105. P. 3.

¹⁵⁵ *Sarikakis Th.Ch.* Commercial Relations between Chios and Other Greek Cities in Antiquity // Chios. A Conference at the Homereion in Chios 1984. Oxf. 1986. P. 122. Note 15.

¹⁵⁶ *Cook, Dupont.* East Greek Pottery. P. 143.

¹⁵⁷ *Ibid.* P. 121; *Шишова И.А.* Рабство на Хиосе // Рабство на периферии античного мира. Л., 1968. С. 149–167.

SOME PROBLEMS OF TRADE IN THE NORTH BLACK SEA
REGION IN THE ARCHAIC PERIOD

V.D. Kuznetsov

The author's greatest attention is paid to the place of foreign trade in the economical life of the poleis of the region and to the nomenclature of the goods. One of the main sources enabling us to solve the problems concerning trade in the North Black Sea region is ceramics. The author disagrees with the scholars who consider that painted ceramics was an expensive good and represented an important object of exchange between the different parts of *oikumene* and joins the opposite point of view. The widespread opinion on the high costs of painted ceramics (the prices being sometimes known to us) is based upon the wrong assumption that a qualified artisan's daily wages in late 5th c. BC was 1 drachme. Actually such was the wage-rate of slaves and *metoikoi* for rough work. But wages of qualified artisans were by far higher.

In the author's opinion, most painted ceramic pieces found in the region were not objects of trade, but offerings to the local sanctuaries. Exchange operations with the aborigenes were very limited in the Archaic period. The absence of well organized chora in the poleis before late 6th – early 5th c. BC contradicts to many scholars' opinion about an essential grain export from North Pontus to Greece. As for buying grain from the native tribes, this hypothesis remains a speculative one, for Greek objects, found far away from the Greek poleis, are scarce before the 6th c. BC; besides, there is no proof of their being trade goods (e.g., they could have been plundered from the Greek cities). It was not until the 1st decades of the 5th c. BC that grain import to Greece, obviously from the regions of the Kerch straight, is clearly attested. This could have been achieved due to the despotic power of the so-called Archeanactid (Diod. 12. 31).

The paper lists the articles imported from the Mediterranean to the Black Sea Region poleis and known from the excavations, the most important of them being oil and wine. From Pontus slaves were exported as well as local resources of the rich Black Sea coast.

Trade played an important part in supplying all necessary goods not produced locally to the newly set *apoikiai*. Its role, though, should not be exaggerated, as the main part of the necessary products was made in the poleis. This is the reason why trade could only be marginal in the Pontic poleis economical life, based principally upon agriculture and handicraft, stimulated since the earliest days of the colonies' existence.